

АЛЕКС РУДИН

НАЗАД В СССР

АРХЕОЛОГ 2

ЗАВЕТНЫЙ КЛЮЧ

Алекс Рудин

Археолог 2. Заветный ключ

«Автор»

2023

Рудин А.

Археолог 2. Заветный ключ / А. Рудин — «Автор», 2023

Всю свою жизнь я посвятил поиску древних артефактов. Но однажды столкнулся с такой тайной, что за любопытство пришлось заплатить жизнью. Получив второй шанс, я решил продолжить поиски ответа и узнать причину собственной гибели.

© Рудин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алекс Рудин

Археолог 2. Заветный ключ

Глава 1

Июнь 1970-го года. Ленинград

Тормоза зашипели. Сцепки вагонов звонко лязгнули, и поезд вздрогнул. Знакомый перрон Московского вокзала остановился за мутным окном.

Мы с рюкзаками и чемоданами, весело переговариваясь, столпились в тамбуре и узком проходе вагона. Остальные пассажиры неодобрительно поглядывали на нас, но возмущаться не решались.

– Да пропустите же, черти! – пробиваясь сквозь весёлую толпу, воскликнула проводница.

Всю дорогу мы развлекали её песнями под расстроенную гитару, а она за это поила нас чаем.

Наконец, проводница сумела протиснуться к двери вагона. Дверь распахнулась, и вся экспедиция в полном составе, хохоча, вывалилась на перрон.

– Приехали! – радостно воскликнула Света.

– Приехали! – улыбаясь, подтвердил Севка.

– Не расходиться! – кричал откуда-то из вагона застрявший среди пассажиров Жорик. – Важное объявление!

Мишаня неодобрительно хмыкнул.

– Сутки ехали! Не мог раньше своё объявление сделать?

А Оля молча отошла в сторону, чтобы не мешать другим пассажирам.

Жорик выбрался из вагона и замахал руками.

– До понедельника всем отдыхать! В понедельник в девять утра собрание на кафедре – будет распределение на дальнейшую практику. Просьба не опаздывать! Кто опоздает – поедет туда, где останутся свободные места!

– Слушай, Жорик! – улыбнулся я. – А ты не мог нас в вагоне распределить? Тут больше половины знают, куда хотят поехать.

Жорик обиженно прищурился.

– Гореликов! Прекрати вносить анархию в учебный процесс! Всё должно идти по порядку.

Я махнул рукой.

– Идёмте!

И подхватил Светину сумку.

– Вы в общагу? – спросил Мишаня.

– Нет, я домой! – улыбнулась Света. – Родители ждут.

– Ну, да, – с завистью протянул Севка. – Ты же у нас местная!

– А, может, к нам? – предложил я. – Купим торт и ещё чего-нибудь вкусенького.

Отметим окончание экспедиции!

– Саша, я, правда, не могу, – отбивалась Света. – Родители встревожатся.

– Тогда я тебя провожу, а потом вернусь в общагу. Ребята, вы там подготовьтесь пока!

Мы высыпали на площадь перед вокзалом, и мои глаза сами собой изумлённо распахнулись.

Ленинград!

Это был тот Ленинград, который я любил в детстве, и потом ещё очень долго помнил, пока почти не забыл! Фасады домов ещё не изуродованы рекламой и вывесками, проспекты

расчерчены, словно по линейке. Гранит набережных и ажурная вязь чугунных решёток на бесчисленных мостах. Редкие пока ещё автомобили, белые колонны дворцов и синее невисское небо.

– Саша, ты чего застыл? – рассмеялась Света. – Впервые увидел город?

Да, так оно и было. Я видел этот город словно впервые, но всё же узнавал его. Он всплывал из моей памяти, проступал сквозь мутную толщу прожитых лет.

– Хорошо! – улыбнулся я. – Как же хорошо!

По пешеходному переходу мы перебежали через Лиговку. Посреди Невского проспекта я снова застыл, щурясь на сверкавший вдали шпиль Адмиралтейства.

Света потянула меня за руку.

– Саша, идём! Зелёный заканчивается!

Мы добежали до тротуара за миг до того, как машины нетерпеливо загудели. Водитель троллейбуса – полный седоволосый дядька – поглядел на нас и сердито покачал головой. Я не удержался и показал ему язык. Света снова расхохоталась.

– Ты как ребёнок, честное слово!

Так оно и было. Я ребёнок, а этот город и вся новая жизнь – мои игрушки!

– Где ты живёшь? – спросил я Свету.

– На Петроградке.

– Пойдём пешком? – улыбаясь, предложил я.

– С ума сошел? – удивилась Света. – С вещами мы только к вечеру и доберёмся.

Бежевая «Волга» затормозила возле нас. Водитель – молодой парень – перегнувшись через сиденье, опустил окно и крикнул Свете:

– Девушка, вас подвезти?

– Не нужно! – смеясь, ответила Света.

– Давайте, подвезу! – настаивал парень. – Куда вам нужно? Ведь вы с вещами.

Я взял Свету за руку и неодобрительно посмотрел на парня. Тот смутился, но справился с собой и показал мне большой палец.

– Во!

Сзади басовито рявкнул гудком троллейбус, которому «Волга» мешала подъехать к остановке.

– Ты пользуешься успехом у мужчин, – сказал я Свете.

– Ревнуешь? – улыбнулась она.

– Немножко, – признался я.

Для меня, уже прожившего одну длинную жизнь, было так удивительно это молодое ощущение ревности, что я не выдержал и расхохотался. Да уж, юное тело творит чудеса!

Мы влезли в троллейбус и покатались по Невскому. Всю дорогу я глазел в окно, отрываясь от завораживающего пейзажа только для того, чтобы невпопад ответить на вопросы Светы.

Мы проехали Аничков мост, где мускулистые бронзовые мужчины держали под уздцы вздыбленных коней. Затем миновали дом Зингера со смешной башенкой на крыше и здание бывшей городской думы. Выкатились на необъятную Дворцовую площадь, проехали мимо приземистого Эрмитажа, богато украшенного лепниной и статуями. По Дворцовому мосту пересекли широкую, сверкавшую на солнце ленту Невы и въехали на стрелку Васильевского острова.

Слева мелькнули корпуса нашего университета, а троллейбус повернул направо к Биржевому мосту.

– Саша, ты меня слышишь? – спросила Света, снова дёргая меня за рукав.

– Что? – улыбнулся я, оборачиваясь к ней.

– Попросим, чтобы нас распределили на практику вместе? – чуть покраснев, спросила Света.

– Конечно! – улыбнулся я и поцеловал её в щёку, пока никто не смотрел в нашу сторону.

– С ума сошёл? Люди же кругом!

– И пусть!

Света жила в четырёхэтажном доме на улице Красного Курсанта. Перед аркой, которая вела в её двор, мы остановились.

– Вот мои окна! – Света показала на три окна второго этажа, которые выходили прямо на улицу. – Ну, то есть, не все мои, а нашей квартиры. А окно кухни выходит во двор.

– Запомнил, – улыбнулся я. – Буду приходить по вечерам и петь тебе серенады.

– Не надо, – покачала головой Света. – Папа не одобрит. Может, завтра сходим погулять?

– Давай, – обрадовался я. – Вечером, часов в шесть я за тобой зайду.

– А днём? – спросила Света.

– А днём я хочу заглянуть в библиотеку. Надо кое-что посмотреть.

– Снова какая-то тайна?

– Конечно! – глубокомысленно ответил я. – Жизнь полна тайн и загадок. Но тебе я всё расскажу первой.

– Договорились!

Света подхватила свою сумку и шагнула в тень арки. Уже во дворе обернулась и помахала мне рукой. Я помахал ей в ответ и услышал, как стукнула дверь подъезда.

Рюкзак порядком оттягивал плечи. Где-то на самом дне, под вещами, завернутый в полевую куртку лежал медальон прусских вождей – янтарное солнце величиной с половину ладони. Мне ещё надо было придумать, куда его спрятать до поры до времени.

Я пока не решил – оставить медальон себе, или сдать его как официальную находку. Сделать это было несложно – намечались большие раскопки в священной роще, и я должен был в этих раскопках участвовать. Но пропажа документа порядком меня насторожила. Что, если и сейчас кто-то интересуется медальоном? Не сделаю ли я ошибку, объявив о находке?

Чтобы решить этот вопрос, нужно было побольше узнать о Ганзейском союзе, печать которого так настойчиво всплывала в самых разных временах. Именно этим я и собирался заняться с утра пораньше.

Я прошёл мимо стадиона имени Ленина. Моё внимание привлекла огромная афиша: «Международный легкоатлетический матч СССР – США».

Матч должен был состояться в конце июля, и я решил, что если буду в это время в Ленинграде – обязательно схожу поболеть за наших спортсменов.

По Тучкову мосту я перешёл Малую Неву и свернул направо. Там, между набережной и Малым проспектом, на Пятой линии Васильевского острова располагалось наше общежитие.

До университета отсюда было двадцать минут пешком. Но зимой, когда сырой ледяной ветер крутил в воздухе обжигающе-холодные снежные хлопья, мы умудрялись добегать всего за десять минут. И всё же я всегда успевал минутку постоять на набережной и полюбоваться рекой, которую сплошь покрывал изломанный синеватый лёд.

А сейчас серая невская вода сверкала под летним солнцем, а на Пятой линии зеленели тополя и липы.

Я потянул на себя деревянную дверь и вошёл в просторный холл.

– Гореликов! – окликнула меня вахтёрша тётя Аня. – Где ты бегаешь? Тебе звонили из деканата!

Ничего себе! Не успел приехать, а меня уже разыскивают!

– Здравсте, тётя Аня! – вежливо ответил я. – Просили что-нибудь передать?

– Сказали, чтобы завтра к девяти утра ты был на кафедре! Валентин Иванович будет тебя ждать.

Декан? Я озадаченно кивнул.

– Спасибо, тётя Аня! Непременно!

И пошлёпал вверх по лестнице на третий этаж, где была наша с ребятами комната.

Рим, ноябрь 1232-го года

Папа Римский Григорий Девятый, наместник Святого Петра на земле кормил голубей пшеничным зерном. Он любил это простое занятие. Кормление птиц позволяло Папе отвлечься от суетных ежедневных забот и подумать о государственных делах.

Секретарь почтительно застыл в стороне, не решаясь обеспокоить Его Святейшество своим присутствием. Григорий Девятый давно заметил секретаря, хоть тот и появился совершенно бесшумно. Но продолжал спокойно сыпать зерно из холщового мешочка. Голуби курлыкали, теснясь и толкаясь у ног Папы, громко хлопали крыльями.

– Ешьте, ешьте, дети мои, – тихонько приговаривал Папа.

Должно быть, вот так и ангелы собираются у подножия Небесного престола, подумал Папа. Мысль ему понравилась, и Григорий Девятый едва заметно улыбнулся сухими губами.

Если бы все народы Европы можно было пищей и добрым словом привести к ногам Римского престола! Вот в чём состояла главная забота Папы, вот что тревожило его уже много лет. С тех самых пор, как конклав избрал его преемником Гонория, Григорий Девятый ежедневно трудился над укреплением папской власти.

Но и противников было не счесть! Чего стоил только один император Фридрих? Напыщенный глупец, которому не по заслугам досталась корона Священной Римской империи! Пытается подчинить себе Италию, в то время как Германия раздроблена на удельные княжества. И княжества эти непрерывно воюют друг с другом вместо того, чтобы объединиться и выступить против язычников.

Слава Всевышнему, сейчас с Фридрихом перемирие. Но надолго ли? Когда ждать новой войны? А между тем в Испании и Франции крепнут ереси, народ впадает в грех неверия!

В прошлом году Папа Григорий вынужден был учредить святую инквизицию для искоренения ересей. Это начинание дало хорошие плоды. По всей Испании запылали святые костры, еретики раскаивались под пытками и возносились на небо очищенными от греха.

Но сколько ещё дел предстоит? Весь север Европы тонет во мраке неверия. Богатейшие земли заняты язычниками, на которых нет управы. Земли, обильные лесом и мехами, золотом, рыбой и хлебом – всем тем, чего катастрофически не хватает Европе.

Порыв холодного ветра с Тибра заставил Папу поёжиться и плотнее запахнуть меховую накидку. Ноябрь в этом году выдался зябкий. А может, годы давали знать о себе – Папе исполнилось уже шестьдесят два. Глубокий старец! Но Григорий Девятый знал, что у него ещё достаточно сил и воли, чтобы исполнить то, что должно.

Да, земли на севере богатые! Если объединить их под властью Римского престола – можно дать отпор туркам, которые непрерывно насаждают с юга. И вместо того, чтобы объединиться для захвата этих земель, немецкие феодалы воюют друг с другом! Будет ли конец человеческого безумию?

Мешочек с зерном опустел. Голуби подобрали остатки зерна, легко вспорхнули с брусчатки и скрылись среди дворцовых колонн.

Григорий Девятый вздохнул и повернулся к секретарю.

– Что у тебя? – спросил он.

Секретарь почтительно поклонился.

– Прибыл посланник из Ливонии от архиепископа Дорпаты Германа Буксгевдена. Просит об аудиенции.

Дорпата? Очень кстати. Значит, интуиция не подвела Григория. Недаром он всё утро думал о тех далёких северных землях.

– Проведи его в малый зал для аудиенций.

Секретарь поклонился и исчез. Бесшумно растворился в полумраке между колоннами, словно его и не было во внутреннем двореке Папского дворца.

Григорий Девятый, несмотря на преклонные годы, легко поднялся со скамеечки, обитой красным бархатом. Он ещё повоюет за веру! У него хватит сил!

Неторопливо ступая, Папа прошёл длинным коридором в малый зал. Уселся в широкое мягкое кресло. Поёрзал, устраиваясь поудобнее.

Тут же отворилась дверь в дальнем конце зала. Вошёл секретарь. За ним, широко ступая, шёл здоровенный детина в запylённой дорожной одежде. На его левом боку висели пустые ножны – меч забрала охрана. Бородатое лицо детины наискось пересекал жуткий шрам от удара мечом. Верхняя губа, изуродованная шрамом, приподнялась, и казалось, что детина непрерывно усмехается, показывая жёлтые зубы.

Григорий Девятый нахмурился.

Но посланник архиепископа Дорпаты, подойдя к папскому креслу, послушно упал на колени, склонил голову и потянулся поцеловать туфлю из красного бархата.

Секретарь застыл на своём месте, справа от кресла.

– Встань! – негромко сказал Папа посланнику.

Немедленно вбежал слуга с низкой скамеечкой. Поставил скамеечку в пяти шагах от кресла, поклонился и убежал.

– Сядь и рассказывай, – велел Григорий Девятый.

Не вставая с колен, посланник протянул Папе бумагу, свёрнутую трубкой и запечатанную сургучной печатью архиепископа. Папа принял письмо и, не глядя передал его секретарю. Затем приказал:

– Расскажи на словах – о чём хочет сообщить нам архиепископ?

Посланник поднялся с колен. Пятясь задом, уселся на скамеечку.

– Архиепископ Дорпаты сообщает Вашему Святейшеству, что русские князья совершают походы в земли, которые недавно были крещены во славу Римского престола. Русские князья берут язычников под своё покровительство и тем самым мешают распространению истинной веры. Архиепископ Герман Буксгевден просит, чтобы вы разрешили набрать войско рыцарей для борьбы с русскими князьями и защиты от них земель финнов, ливов и эстов.

Григорий Девятый удовлетворённо кивнул и прикрыл глаза. Посланник почтительно замолчал.

Да, он в очередной раз не ошибся. Дела в северных землях тревожили его всё больше и больше. Русские князья год от года набирают силу. Их походы опустошают приморские земли, мешают крестить язычников. Сами берут с них дань, а в ответ защищают от рыцарей Христа.

– А что орден меченосцев? Соблюдается ли торговая блокада Новгорода? – помолчав, спросил Папа.

Три года назад он издал указ, который запрещал немецким, датским и шведским купцам продавать Новгороду оружие. А так же железо, порох, лошадей и продовольствие. Этими мера Папа Григорий надеялся ослабить русских, сдержать их натиск.

– Купцы, – с презрением ответил посланник и тут же опомнился.

– Простите, Ваше Святейшество! Не сдержался. Многие купцы прислушались к Вашим указам. Но находятся и такие, которые в нарушение указов везут в Новгород зерно и железо. Своя прибыль им дороже святого дела! Два года назад зерно, которое продали немецкие купцы, спасло Новгород от голода! А орден хоть и трудится во славу Божью, но численность его слишком мала, чтобы покорить такие обширные земли.

Григорий Девятый взглянул на секретаря.

– Запиши имена купцов и прими меры.

Секретарь молча кивнул.

– Говори дальше, – велел Папа посланнику.

Тот откашлялся.

– Архиепископ Герман Буксгевден просил меня передать Вашему Святейшеству, что сейчас в русских княжествах назревает раздор. Псковский князь Ярослав Владимирович рассорился с Новгородом и его изгнали из Пскова.

Князь Ярослав прибыл в Дорпату к архиепископу и просить помочь ему вернуть Псков. А взамен обещает военную помощь и торговые льготы.

– Псков?

Папа Григорий поднял седую бровь.

– Это богатейший пригород Новгорода, – пояснил посланник. – Если мы поможем князю Ярославу вернуть себе Псковское княжество, то значительно ослабим Новгород и всю Русь.

Григорий Девятый чуть наклонился вперёд. Дело принимало хороший оборот.

– Передай архиепископу Герману, что я повторно издам указ о торговой блокаде русских земель. Всех купцов, которые нарушат этот указ, разрешаю хватать и казнить. Также я издам указ о том, что все рыцари, которые присоединятся к ордену меченосцев и пойдут походом на северные земли, получают в награду владения в этих землях. А что, этот князь Ярослав – надёжный человек?

Произнося это варварское имя, Григорий Девятый едва заметно поморщился.

– Князь Ярослав очень зол на других русских князей, – ответил посланник. – Сестра Ярослава замужем за Теодорихом Буксгевденом, братом архиепископа. И сам Ярослав женился на немке.

– Это хорошо, – удовлетворённо заметил Григорий. – Передай архиепископу, чтобы он поддержал князя Ярослава. А я окажу поддержку архиепископу и ордену меченосцев. Когда ты отправляешься в обратный путь?

– Как прикажет Ваше Святейшество, – склонив голову, ответил посланник.

– Отдохни три дня, – решил Григорий, – и отправляйся. Тебе передадут наше письмо к князю Ярославу. Можешь идти.

Посланник поспешно поднялся со скамеечки. Поклонился и вышел из зала. А Папа Римский Григорий Девятый, наместник Святого Петра на земле повернулся к секретарю.

– Пиши! Любезному сыну, князю Ярославу...

Добавьте книгу в библиотеку, чтобы не пропустить обновления)

Глава 2

Июнь 1970-го года. Ленинград

– Куда ты собрался в такую рань? – недовольно спросил меня Севка, оторвав голову от подушки.

Его разбудил звонок будильника, который я завёл, чтобы не проспять встречу с деканом. Будильник был механический. Его пронзительный скрежет ничуть не напоминал приятные мелодии тех электронных будильников, которые появятся в обиходе лет через тридцать.

Зато и проспять под эти звонкие вопли было нереально. Когда Мишаня впервые завёл будильник, Севка заткнул уши ладонями и заявил:

– Это не будильник, а гром небесный.

Так мы его и прозвали.

– В деканат вызывают, – ответил я.

Севка немедленно подскочил.

– Зачем? – спросил он и с подозрением уставился на меня.

Я пожал плечами.

– А я-то откуда знаю? Вчера позвонили на вахту, а мне тётя Аня передала.

– Опять что-нибудь натворил?

Это прозвучало, скорее, как утверждение, а не вопрос.

– Ничего я не натворил. Сказал же тебе русским языком – не знаю.

Мишаня перестал похрапывать и что-то недовольно пробормотал. Затем повернулся на другой бок и снова засопел.

Мишаня был единственным человеком, который мог проспать, несмотря на вопли «небесного грома». А поскольку чаще всего он ставил будильник на своей тумбочке, нам с Севкой приходилось вылезать из постелей, чтобы выключить будильник.

Сначала мы исправно подсакивали каждое утро. Но потом обленились и прятали головы под одеяла до тех пор, пока соседи не начинали стучать в стенку.

Сделав несколько дыхательных упражнений, я натянул штаны, достал из-под кровати чемодан. Вытащил из чемодана электрический чайник и выглянул в коридор.

Электрические чайники были строгойше запрещены в общежитии по причине старой проводки и возможного пожара. Именно поэтому в каждой комнате такой чайник был, но владельцы его тщательно прятали.

Комендант иногда устраивал внезапные рейды по комнатам. И если находил чайник – немедленно конфисковал его, не обращая внимания на просьбы, мольбы и обещания.

Когда мы только заселились, завтракать приходилось всухомятку. Невелика беда для студента, но горячего чайку всё же хотелось. Севка предлагал сделать кипятильник из двух бритвенных лезвий и куска провода. Но Мишаня, как самый ответственный из нас настоял на покупке чайника.

– От твоего кипятильника точно пожар случится, – сказал он Севке.

Выглянув в коридор я не обнаружил там коменданта. Да и вообще никого не обнаружил. Студентов в общежитии почти не было – все разъехались на лето. А те, что остались, не спешили вставать в такую рань.

Поэтому я благополучно добрался до туалета. Справил неотложные дела, почистил зубы, а заодно набрал в чайник воды и вернулся в комнату.

Севка в трусах и майке сидел за столом, подобрав под себя тощие ноги.

– Тебе-то чего не спится? – спросил я, включая чайник в розетку.

– Надо поговорить, – ответил Севка.

– Ну, давай, говори, – добродушно согласился я, насыпая ложку заварки в кружку. – Чай будешь?

– Буду, – кивнул Севка. Я взял с его тумбочки кружку и сыпанул заварки туда.

Чайник на подоконнике тихонько зашумел.

– Саня, – спросил Севка. – Ты что дальше думаешь насчёт практики?

– Не знаю, – сказал я. – В понедельник будет распределение, там посмотрим. А что?

– Мы с Олей собираемся поехать в Ростов, – сказал Севка.

– Я слышал, – кивнул я.

– То есть, Оля собирается. Но я хочу поехать с ней.

– Понятное дело.

Севка замолчал. Потом набрал побольше воздуха в грудь и выдал:

– Я прошу тебя с нами не ездить!

И, насупившись, уставился на меня.

Честно говоря, меня так и подмывало выдать какую-нибудь шутку. Но я вспомнил, как сам вчера смотрел на парня из бежевой «Волги», и шутить не стал. Из-за таких вот глупых шуток порой и теряют друзей. Поэтому я сел напротив Севки и мягко сказал:

– Договорились, дружище. Оля – очень хорошая девушка, и я надеюсь, что у вас с ней всё получится.

– Спасибо, – буркнул Севка.

Он по-прежнему хмурился, но по глазам было видно, что парень оттаял.

Я выдернул из розетки закипевший чайник и разлил кипяток по кружкам. Чайник поставил обратно на подоконник – остывать.

– Уберёшь его потом? – попросил я Севку. – А то найдут – останемся без чайника. – Как думаешь – выбьет Валентин Иванович экспедицию в Приморск? – спросил меня Севка.

– Думаю, да – ответил я.

Этот вопрос интересовал и меня. Если военные разрешат копать священную рощу – передо мной откроются очень большие перспективы. Главное, не профукают их, и уж я не профукаю.

Но если экспедицию запретят – придётся искать какой-нибудь другой способ продвигаться в науке. Кое-какие темы у меня на примете были. Некоторые из них выглядели даже привлекательней, чем священная роща пруссов. Например, финно-угорские могильники в Карелии. Но два открытия подряд, совершённые одним и тем же студентом, будут выглядеть подозрительно. Это я понимал совершенно точно.

Допив чай, я снова сходил в туалет и сполоснул кружку. Надел рубаху. Задумчиво повертел в руках шляпу, но оставил её лежать на кровати. В экспедиции она выглядела уместной. Но расхаживать в такой шляпе по улицам Ленинграда мог себе позволить только Михаил Боярский, да и то через несколько лет – когда прославится на всю страну в роли Д'Артаньяна.

Амулет я ещё вчера спрятал в надёжном месте. В углу комнаты возле окна, там, где стояла тумбочка Мишани, отошёл от стены высокий деревянный плинтус. Если его отодвинуть – внизу стены открывалась приличных размеров щель. В эту щель я засунул медальон, а плинтус придвинул вплотную к стене и для надёжности прижал тумбочкой.

На улице пахло утренней свежестью и скошенной травой – недавно дворники окашивали газоны. До назначенной встречи оставалось полчаса, поэтому я вышел на набережную и неторопливо побрёл вдоль Невы, рассматривая стадион и дома на другом берегу. Резвый катерок шёл против течения, шлёпая плоским днищем на невысокой речной волне. Небо над головой было ясным, но на западе собирались тучи, предвещая привычную для Ленинграда перемену погоды.

– Здравствуйте, Александр! – сказал Валентин Иванович, когда я, постучав, вошёл в его кабинет.

Он даже поднялся с кресла, вышел из-за стола и протянул мне руку.

– Простите, что не дал выпастся после поезда. Я вас надолго не задержу.

– Слушаю вас, Валентин Иванович, – ответил я.

– Прежде всего хочу подтвердить, что наша договорённость в силе. Я возьму над вами шефство и помогу вести научную сторону раскопок в Приморске.

– Спасибо! – искренне поблагодарил я.

– Предлагаю вам написать статью для журнала. В этой статье вы подробно опишете умозаключения, которые привели вас к находке. С указанием источников, схем и ваших расчётов. В общем, всё, как полагается. А я попытаюсь пристроить вашу статью в печать. И лучше подготовьте два варианта. Один – для специалистов, а другой – более доступным языком – для любителей археологии.

– Конечно, Валентин Иванович, – с радостью согласился я.

– Когда статья будет готова, принесите её мне на корректуру.

– Хорошо.

– Теперь о вашей практике. Дело в том, что раскопки в Приморске вряд ли начнутся раньше августа. Надеюсь, вы не собираетесь бездельничать в общежитии целый месяц? Насколько я знаю, ехать вам некуда.

– Не собираюсь, – улыбнулся я.

– Вот и отлично! Вчера утром мне звонил профессор Ясин из Новгорода. Он там заведует раскопками. У нас с Николаем Лаврентьевичем договорённость по обмену способными студентами. Вот я и подумал – почему бы вам не съездить в Новгород на месяц? Наберётесь свежих впечатлений, ну и подзаработаете немного землекопом. Студенту лишняя копейка не помешает, верно?

– Спасибо, Валентин Иванович, – улыбнулся я. – Только у меня к вам небольшая просьба. Вы не будете против, если со мной поедет студентка нашего курса Светлана Поленко?

– У вас роман? – понимающе улыбнулся Валентин Иванович.

Я не видел смысла скрывать, и просто кивнул.

– Почему бы и нет. Я уверен, Николай Лаврентьевич с радостью согласится принять двух студентов вместо одного. Вечером позвоню ему и всё согласую.

Валентин Иванович снова протянул мне руку.

– Желаю вам успехов, Александр. Уверен, что вы не подведёте меня в Новгороде.

Попрощавшись с Валентином Ивановичем, я вышел из деканата. Здание библиотеки находилось наискось через дорогу, и я решил не терять время даром. Можно спокойно поработать три-четыре часа, а потом перекусить в столовой университета и решить, что делать дальше.

Прямо возле дверей нашего института, в тени арочной колоннады о чём-то горячо спорили двое молодых мужчин. Я прислушался и с удивлением уловил немецкие фразы.

Иностранцев в Ленинграде хватало. Но что эти двое забыли возле университета? Иностранцам полагается гулять по Невскому, восхищённо вертя головами под присмотром экскурсовода.

Наверное, заблудились, решил я. Отстали от экскурсии или делегации.

Немецкий я знал плохо, так что помочь туристам ничем не мог. Ничего, не пропадут.

– Разрешите! – вежливо сказал я немцам.

Немцы посторонились, и я прошёл мимо них.

– Данке шён!

Весна 1236-го года, Великий Новгород

Рано утром над рекой со стороны Новгорода поплыл колокольный звон – это звонил на торговом берегу вечевой колокол у церкви святого Николы.

– Пора, сын! – сказал Александру отец.

Вместе они вышли из терема, спустились по широкой лестнице на двор. Конюхи тут же подвели князьям коней – Ярославу белого, в серых подпалинах, Александру – гнедого, темно-гривого жеребца.

Подъехали Гаврила Олексич и Ратша – старшие дружинники, которых князь Ярослав собирался оставить вместе с сыном на новгородском княжении.

Сам Ярослав с большей частью дружины завтра же собирался отбыть в Киев – по старшинству ему переходило право на Киевский престол.

Александр старался казаться спокойным. Не маленький уже – пятнадцать лет скоро. Но в памяти поневоле всплывали события восьмилетней давности, когда отец вот так же оставил их с братом Федей княжить в Новгороде.

В то лето шли обильные дожди. Хлеб в полях вымок, и в Новгороде случился голод. Новгородцы отправили посольство к Ярославу с просьбой отменить в этот год княжеский налог. Но князь ничего не ответил.

И тогда голодные горожане взбунтовались. Разорили и сожгли немало боярских усадеб и взяли приступом княжеский двор на Городище.

Александра с Федей тогда чудом спас Фёдор Данилович – боярин князя Ярослава. Спас и увёз с небольшой дружиной в Переяславль-Залесский. Зимой, в одних санях, под голодный волчий вой пробивались они через заснеженные леса к Переяславлю. Промёрзли, чуть не сгинули по дороге, но добрались.

Тот побег Александр запомнил на всю жизнь.

А теперь и брата Фёдора нет на свете – умер три года назад от горячки. И Александр теперь старший сын, наследник. Потому и сидел в седле спокойно, и старался не сжимать в кулаке поводья. Хотя сердце в груди холодело, пропуская удары.

Подъехали ещё дружинники. Небольшой ватагой на рысях поскакали к Новгороду. В утренней дымке отчётливо виднелись купола церквей над низкими деревянными избами и маковки боярских теремов.

Большой город, богатый. Здесь сходится вся торговля с западными странами. Сюда немецкие и шведские купцы везли железо и золото, а вывозили лён, пеньку, меха и вкусный лесной мёд. И новгородские купцы и бояре не отставали – торговали наравне с иностранцами и богатели.

Младшие сыновья, которым не повезло с наследством, собирали ватаги бойцов и уходили на север – покорять новые лесные племена, брать с них дань мехами, строить в лесной глуши новые городки и крепости.

Благодаря таким ватагам новгородские земли с каждым годом расширялись и уже охватили всё озеро Нево. А за озером уходили дальше, к холодному морю, над которым летом не заходит солнце, а зимой стоит вечная тьма.

Вот почему, уезжая в Киев, князь Ярослав оставлял в Новгороде своего сына. Чтобы не упустить из рук этот богатый, но своевольный город.

Небольшая площадь перед церковью Святого Николы была окружена народом. Посреди, на самой площади стояли деревянные скамейки для бояр. У церковной стены возвышался деревянный помост, на котором уже ждал князей новгородский посадник Степан Твердиславович.

Народ толпился, чтобы послушать – о чём будут говорить бояре, что решат. А то и пошуметь, если не понравится боярское решение. На то новгородцы и вольные люди, чтобы самим строить свою судьбу.

Князья с дружинниками соскочили с коней. Пробившись через гудящую толпу, поднялись на помост. И только тогда вечевой колокол смолк, чтобы не мешать говорить.

Первым, по обычаю, говорил посадник. Он шагнул вперёд и поднял над головой руку в серебряных и золотых перстнях.

– Люди новгородские! Княжеские дела призывают князя Ярослава Всеволодовича в Киев. А так как город не может быть без княжеской дружины, князь Ярослав оставляет нам своего сына Александра. Что думаете об этом? Примем Александра новгородским князем?

Задавая этот вопрос, посадник уже знал ответ. Всё было решено заранее, в тайных боярских переговорах. С князем Ярославом сговорились о снижении налога, пообещав взамен не обижать его сына и слушаться его как самого князя, если на новгородские земли нападут враги.

Ярослав же пообещал в случае беды прислать новгородцам военную помощь.

Но обычай надо соблюдать. Без обычаев власть начнёт шататься в разные стороны и скоро упадёт – это посадник знал твёрдо. Поэтому проглотил даже свою неприязнь к князю Ярославу. А неприязнь была сильная. Три года назад князь Ярослав – тогда ещё не княживший в Новгороде – захватил посадника Степана в плен и держал в тюрьме, пока не договорился с новгородцами.

Эту обиду посадник не забыл, но до поры до времени спрятал и никому не показывал.

– Так что, – переспросил он, глядя на бояр, – примем Александра новгородским князем?

– Примем, – нестройно ответили бояре. – Примем!

Народ вокруг площади одобрительно зашумел. Нашёлся смутьян – свистнул, крикнул:

– Даёшь новгородскую волю!

Но крикуна быстро уняли – скрутили руки и надавали по шее. В толпе у каждого боярина были свои люди.

Вслед за посадником выступил сам князь Ярослав. Пообещал не нарушать права новгородцев и брать с них только оговоренную дань. Также прилюдно обещал воинскую помощь в случае нападения.

А затем пришла очередь говорить Александру.

От волнения в горле пересохло, язык прилип к гортани. Александр почувствовал, как подрагивают коленки. Толпа вокруг площади жадно дохнула на него жарким дыханием и вдруг показалась молодому князю одним большим лицом. Истинным лицом Великого Новгорода.

Александр пересилил себя и шагнул вперёд.

– Люди новгородские! Клянусь защищать ваши дома и ваши земли! Клянусь не брать лишней дани, а лишь то, что положено по договору. Клянусь судить по справедливости! Клянусь не предавать Новгород, а пойманных на предательстве – казнить без жалости!

Он и сам не знал, почему вдруг сказал про предателей. Но толпа одобрительно зашумела – ей понравились слова молодого князя и его твёрдый голос.

– Хотим Александра! – пошёл многоголосый гул, от которого даже привычные галки сорвались с церковных крестов. – Хотим Александра!

Шумное вече осталось позади – решать свои вопросы, городские и торговые, в которые князь не вмешивался. А посадник Степан Твердиславович пригласил князей Ярослава и Александра к себе на обед.

Вместе с ними пошёл и Гаврила Олексич – он был не только старшим дружины, но и боярином. Остальных дружинников кормили в поварне.

Слуги тихо и быстро подавали на стол. Принесли блюдо с жареным мясом и мочёными яблоками. Поставили целиком запечённого волжского осетра – громадного, в сажень длиной.

Посадник сам разлил по оловянным кубкам дорогое немецкое вино. Поднял кубок и встал из-за стола.

– Спасибо, княже, что не оставляешь нас на произвол судьбы! Будем вместе с твоим сыном служить Великому Новгороду. Где не сможет – поможем, где ошибётся по молодости – поправим. Давайте выпьем за то, чтобы между князем киевским и Великим Новгородом всегда были мир и согласие!

Князь Ярослав хмуро глянул на посадника. Но лицо Степана Твердиславовича было простым и беззаботным, он как будто искренне радовался гостям. Подгонял слуг, носивших тарелки с закусками, спрашивал, кого из дружинников князь оставит в Новгороде.

Александр от волнения выпил целый кубок. Немецкое вино мягко ударило в голову, коленки ослабели, и князь успокоился.

Слуга тут же наполнил кубок заново.

Степан Твердиславович опять говорил хорошие слова о дружбе с князем и предлагал выпить.

Александр машинально потянулся за кубком, но Гаврила Олексич незаметно толкнул его под столом коленкой. Александр покосился на него, увидел сердито нахмуренные брови боярина. И до конца обеда пил только маленькими глотками.

Правота боярина подтвердилась. После долгого обеда, уже подъезжая к княжескому терему, Ярослав одобрительно кивнул сыну.

– Молодец! Не давай себя обхаживать. Посадник свою выгоду ищет, а ты ищи свою. Если что – сразу шли ко мне гонцов. Но привыкай решать сам – ты князь теперь.

На следующий день, глядя с высокого крыльца вслед отцовской дружине, Александр почувствовал себя непривычно одиноким. Закусил губу – так, чтобы не заметили бояре. Впился пальцами в широкие деревянные перила крыльца. И снова справился с собой. Не в первый раз, и не в последний.

Повернулся и пошёл в терем – решать неотложные дела с Гаврилой Олексичем.

Конная дружина растаяла в дорожной пыли, и молодой князь остался один на один с Великим Новгородом.

Глава 3

Июль 1970-го года. Ленинград

Я вышел из библиотеки только к вечеру, и на меня сразу же навалилась духота летнего города. От нагретого за день асфальта плыли волны горячего воздуха. Каменные стены домов словно впитали в себя солнечное тепло, и теперь щедро отдавали его обратно.

На лице немедленно выступили капли пота. Вот тебе и Ленинград! Север, а жара, словно где-нибудь в Сочи!

В животе урчало от голода. Я посмотрел на часы – до закрытия университетской столовой оставалось около получаса.

Успею, решил я. Быстро пересёк наискось пустую Менделеевскую линию и с облегчением нырнул в тень арочной колоннады, которая со всех сторон окружала наш институт.

Казалось, голова распухла от информации. За эти несколько часов я узнал о Ганзейском торговом союзе всё, что только можно было узнать.

Начало этому огромному и влиятельному торговому союзу положили купцы немецких городов Любека и Гамбурга. В тысяча двести сорок первом году, они объединились для совместной торговли на побережье Балтийского моря.

Через сто лет в союз уже входили пятьдесят семь крупных городов. Ганза стала настолько богатой и влиятельной, что могла нанимать свои войска и с их помощью воевала с целыми государствами.

К концу четырнадцатого века почти вся торговля в северных морях была в руках ганзейских купцов. Только англичане кое-как отстояли свои торговые интересы.

За счёт чего процветала Ганза?

Механизм был прост. Объединившиеся купцы диктовали цены на все ходовые товары. То есть, покупали дёшево, а продавали втридорога. Не хочешь иметь дело с Ганзой – сиди со своим товаром на берегу и жди, пока он протухнет или сгниёт.

Ганзейские купцы сообща нанимали корабли. Это было куда выгоднее, чем везти товары по отдельности – и расходов меньше, и суда можно объединить в караван, чтобы не подстерегли пираты.

Ганзейские купцы, словно голодные волки, рыскали по всему побережью. Торговали с эстами и куршами, воевали с Данией за свободный проход через проливы, везли свои товары в Новгород и Псков.

Немногочисленные корабли конкурентов частенько исчезали в бурном Балтийском море. Следов не оставалось – холодная вода надёжно скрывала тайну.

Ганзейцы торговали рыбой и льном, золотом, серебром и железом. Везли зерно и породистых лошадей, шерстяные ткани, меха и мёд. Всюду у них были торговые льготы, свои надёжные люди, секретные договоры и политическое влияние.

Новгородские и псковские купцы уже с середины двенадцатого века всю торговлю с Европой вели только через ганзейцев. Это было невыгодно, вот только куда деваться? В руках ганзейцев были корабли и торговые маршруты, им служили рыцарские ордена – настоящие армии Средневековья.

Только в конце пятнадцатого столетия окрепшие прибалтийские государства начали борьбу с монополией ганзейцев. И всё равно, Ганза просуществовала ещё больше ста лет и окончательно исчезла только в шестнадцатом веке.

Четыреста лет богатства и могущества!

Считалось, что объединение городов было добровольным. Самые важные решения принимались на всеобщих съездах. Часто съезды проходили в Любеке – этот город считался старейшим в Ганзейском союзе.

Прожив долгую жизнь, я отчётливо понимал, что добровольность и равноправие – это несусветная чушь. Такая огромная организация не могла существовать без объединяющего стержня. Должны были найтись люди, которые принимали решения и отдавали приказы. Иначе неповоротливая машина просто развалилась бы. Но, судя по всему, стержень был хорошо скрыт от посторонних глаз.

В архивных документах мне несколько раз попалось на глаза изображение ганзейской печати. Оно изменялось от города к городу, от века к веку. И было очень похоже на татуировки, которые я видел на руках убивших меня бандитов.

Ладно, разберёмся, решил я. Надо просто найти специалиста. В каждой теме есть человек, который знает её досконально. Наверняка есть тот, кто знает историю Ганзейского союза во всех подробностях.

Я пролистал ещё несколько книг и нашёл нужную фамилию.

Профессор Валентин Иванович Миропольский.

Доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук СССР и декан нашего университета.

Эх, знать бы это утром! Я бы сразу попросил его рассказать мне о Ганзе. А теперь время к вечеру, и декан наверняка уехал из университета. Что ему делать на работе летним днём?

Но шанс оставался. Я быстро сдал книги, почти пробежал широким библиотечным коридором и выскочил на улицу.

В тени арки навстречу мне снова попался один из немцев – высокий, светловолосый и широкоплечий. Улыбаясь, словно старому знакомому, он шёл мне навстречу. Даже руки раскинул в стороны, как будто собирался обнять.

Что за чушь, подумал я. И тут же что-то тяжёлое больно ударило по затылку. В глазах потемнело, мелькнули вытоптанные каменные плиты колоннады, и я рухнул прямо в объятия немца.

Когда я пришёл в себя, на улице почти стемнело. Я лежал на траве, в тени густых, аккуратно подстриженных кустов. Над головой нависали ветки дерева.

Опираясь руками о землю, я кое-как сел и осторожно ощупал голову. Затылок болел адски, на нём набухла и пульсировала болью здоровенная шишка. Но крови не было. Голова ощутимо кружилась, и слегка подташнивало.

Через пару минут я сообразил, что прохладный вечерний ветер как-то непривычно обдувает тело. Опустил глаза и увидел, что рубашка на мне растёгнута и выдернута из брюк.

Я похлопал себя по карманам.

Небольшая записная книжка с огрызком карандаша, ключ от комнаты в общежитии. Несмотря на запрет, мы с ребятами сразу же сделали дубликаты, чтобы у каждого было по ключу. Так поступали все студенты, и мы не стали исключением из правила.

Коробок спичек, деньги – три рубля одной бумажкой, и сорок копеек мелочью. Всё было на месте.

Но вот странность – раньше всё это добро равномерно распределялось по карманам. Спички и деньги – в брюках. Там же и ключ от комнаты. А записная книжка с карандашом – в нагрудном кармане рубашки.

Теперь же все вещи лежали в боковом кармане брюк.

Меня ударили по голове, утащили в кусты и обыскали. Прodelали это днём, в самом центре Ленинграда. Нападавшие были немцами и ничего не взяли – даже деньги.

Охренеть!

И что теперь делать? Писать заявление в милицию?

Я представил, как прихожу в отделение и рассказываю, что на меня в центре города напали двое немецких туристов. Ударили по голове, обыскали, но не ограбили.

Кто мне поверит? Начнут подозревать, что я сумасшедший, или ещё хуже того.

Нет, милиция отпадает.

Но какого чёрта? Что им было нужно, этим немцам?

И вдруг я понял. Ну, хорошо, не понял, а просто догадался, предположил.

Они искали медальон. Медальон, который я выкопал в лесу под Приморском и никому не показывал. Даже Севке с Мишаней. Даже Свете.

Голова закружилась сильнее. Ветки дерева поплыли, и я снова прилёг на траву. Осторожно коснулся гудящим затылком холодной земли и ощутил блаженство.

Вот так бы лежать, и ни о чём не думать! Главное – чтобы никто больше не бил меня по голове. Иначе я совсем дураком останусь.

Непослушные мысли выскальзывали, расплывались в разные стороны, словно вёрткие рыбёшки, когда пытаешься ловить их руками. Я бросил эти бесполезные попытки и просто лежал, глядя в темнеющее небо.

Через десять минут я кое-как поднялся на ноги. Застегнул рубашку и заправил её в брюки. Иначе милиция заинтересуется мной сама, без всякого заявления.

Кое-как продрался сквозь густые кусты и зачем-то снова пошёл к двери института. Это было совершенно бессмысленно. Но я упрямо хотел завершить дело, на котором меня прервали.

Я подёргал створку. Разумеется, она была заперта. Взглянул на часы – было без пятнадцати минут одиннадцать.

Ничего себе! Выходит, я провалялся в кустах несколько часов! Хорошо же меня приложили.

Мельком порадовался тому, что часы тоже на месте, и стал соображать – что делать дальше. Вспомнил, что мы со Светой собирались погулять сегодня вечером. Наверное, она ждала, что я за ней зайду, или хотя бы позвоню.

Вот чёрт! Теперь не только идти, но и звонить поздно. Да и попробуй ещё разыщи телефон. Я совершенно не представлял себе, где искать телефонную будку. Даже не помнил – появились уже к этому времени уличные телефоны, или нет.

Ладно, решил я. Завтра позвоню с вахты общежития и извинюсь. Рассказывать о нападении не стану, придумаю что-нибудь правдоподобное, чтобы Света не обижалась.

Октябрь 1237-го года. Великий Новгород

Пара запоздавших к отлёту уток сорвалась с маленького оконца чистой воды в густых зарослях прибрежного тростника. Испуганно крикая, утки понеслись вдоль заросшего пожелтевшим ивняком берега Ильмень-озера.

Осень стояла тёплая, заморозков не было даже по ночам. Пользуясь этим, утки не спешили с отлётом и кормились, сколько позволяла погода. Огромные стаи птиц кочевали с чистой воды в тростниковые плавни, и обратно.

Александр отстегнул от ноги ловчего сокола мягкие кожаные путы. Снял с головы птицы специальную шапочку – клобук. Эта шапочка закрывала птице глаза и не позволяла раньше времени увидеть добычу и сорваться за ней без команды охотника.

Молодой князь приподнял тяжёлую птицу повыше, чтобы сокол увидел уток. Сапсан повернул голову, взмахнул бурыми крыльями с белой пестриной и легко поднялся в воздух.

Посол Ливонского рыцарского ордена, рыцарь Андреас фон Вельвен с презрительным недоумением смотрел в спину молодому князю.

Дело не в том, что фон Вельвен не понимал соколиную охоту. Напротив! Среди европейского дворянства охота с ловчими птицами считалась достойной забавой. Сам император Священной Римской империи Фридрих отдавал ей должное и завёл у себя в Вене настоящий соколиный двор, на котором содержались сотни ловчих птиц. Десятки слуг ухаживали за дорогими соколами, ястребами и беркутами, лучшие из которых стоили дороже чистопородного боевого коня.

Сам фон Вельвен был недостаточно богат, чтобы завести хотя бы одного сокола. И слишком ценил своё время, чтобы тратить его на такую забаву, как охота.

Младший сын мелкого немецкого барона, фон Вельвен с ранней юности был вынужден поступить в орден меченосцев. Попрощавшись с отцом, молодой фон Вельвен отправился на север, в дикие болотистые леса на берегу холодного Балтийского моря. Он сделал это, надеясь получить в награду за службу кусок завоёванных земель и основать собственное баронство.

Фон Вельвен отличался преданностью и хорошо владел мечом. Эти качества позволили ему быстро выбиться из рядов прочих рыцарей. Сам магистр ордена Фольквин фон Наумбург заметил молодого барона и приблизил его к себе. Под командованием фон Наумбурга Андреас покорял и умирал эстов, ливов и куршей, участвовал в походе на жемайтов и земгалов.

В этом несчастливом походе войско ордена меченосцев было разбито внезапно напавшими язычниками. Тяжёлая кавалерия рыцарей вязла в топкой земле. Земгалы и жемайты бросались на крестоносцев словно дикие звери. Длинными крючьями стаскивали рыцарей с коней на землю и убивали топорами, а то и просто ножами, вгоняя узкие лезвия между пластин панциря.

В той битве погибли сорок восемь рыцарей ордена, несколько тысяч орденских ратников и сам магистр Фольквин фон Наумбург.

Андреас тогда сражался, как раненый медведь, окружённый стаей волков. Он сумел пробиться сквозь ряды дикарей и остался жив, хотя и был ранен.

После поражения остатки ордена меченосцев были вынуждены влиться в Тевтонский орден. Андреаса быстро приблизил к себе новый магистр – Герман фон Балк. И теперь отправил его с посольством в Новгород, к русскому князю Александру. Надо было во что бы то ни стало уговорить Александра не поддерживать восставших против власти ордена эстов. А если получится – склонить русского князя к военному союзу с орденом.

Прибыв в Новгород, Андреас был изумлён. Никогда немецкому барону не приходилось видеть настолько богатый город! Подумать только – улицы Новгорода были сплошь вымощены деревянными мостовыми. Даже крестьяне и мастеровые жили в добротных деревянных избах с печами и банями. А бояре и купцы строили себе высокие терема в три этажа, с балконами, лесенками и переходами.

Новгородских детей с семи лет учили писать и читать. Всех – и мальчиков, и девочек! Где такое видано? Зачем грамота гончару, или конюху? Его работа – выполнять волю господина.

Беднейшие горожане щеголяли в добротной одежде. Нередко на жене какого-нибудь кузнеца можно было увидеть праздничные украшения из золота и серебряных монет.

И вся эта роскошь досталась не истинным христианам – подданным Римского престола, а еретикам, которые поддерживали патриарха в Константинополе.

Андреас фон Вельвен считал это несправедливым. Говорят, владения одного только Новгорода чуть ли не больше, чем вся Германия. И это не Европа, где каждый клочок земли распахан и засеян, а поля с каждым годом дают всё меньше и меньше зерна.

Новгородские земли богаты лесом и пушным зверем. В них можно было добывать дёготь, уголь, мёд, строительный лес.

А русских крестьян заставить работать на господина, как и положено крестьянину.

Вот тогда и он, барон Андреас фон Вельвен, мог бы выезжать на горячем жеребце, держа на левой руке дорогого ловчего сокола!

У Ливонского ордена пока не хватает сил, чтобы покорить эти богатые земли. Но недавно магистр фон Балк по секрету сказал Андреасу, что скоро Папа Римский объявит новый крестовый поход. И не против далёких турок и арабов, а против язычников-финнов и русских.

Вот тогда-то нищие авантюристы со всей Европы и потекут в ряды Ливонского ордена! Бродяги и прощелыги, у которых из богатства только пустой титул и дедовский меч, соберутся в войско и пойдут добывать себе землю и богатство.

И он, Андреас фон Вельвен, не упустит своего.

А пока нужно было договориться с молодым князем, чтобы он отказал в помощи восставшим эстам. Пусть лучше поможет войском Ливонскому ордену. В крайнем случае – останется в стороне.

Очень важно убедить этого подростка, что Ливонский орден не представляет опасности для Новгорода и русских земель. А самим пока – копить и копить силы!

Сокол поднялся над лесом так высоко, что превратился в крохотную, едва заметную точку в глубокой синеве неба. Там сапсан сложил крылья и молнией бросился вниз.

Соколиная сила – в его огромной скорости и точности. Если сапсан промахивается мимо добычи, он погибает – на такой скорости птица не успевает расправить крылья и разбивается о землю.

Александр, задрав голову, следил за падением сокола.

Андреас фон Вельвен, помимо своей воли тоже впился глазами в падающую точку и даже затаил дыхание.

Сокол слёту точно ударил в спину утки. В воздухе закружились перья. Крылья утки подломились, крутятся волчком, она полетела вниз. Но сокол догнал её, подхватил острыми крючковатыми когтями и понёс к радостному хозяину.

Александр возбуждённо обернулся на гостя.

Фон Вельвен успел натянуть на лицо улыбку, добродушно прищурил глаза и громко сказал на латыни:

– Прекрасный удар, Ваше Высочество! У вас отличный сокол!

Александр хорошо понимал латынь – в детстве младших княжичей Сашу и Андрея учили наравне со старшим братом Федей.

Он успел заметить фальшь на лице фон Вельвена и разозлился на себя за то, что показал свою радость и азарт.

Александр подъехал к соколу, который сидел на убитой утке. Протянул левую руку в крепкой рукавице из собачьей кожи, а правой достал из привязанного к седлу мешочка угощение – кусочек зайчатины.

Сокол оставил утку и легко вспорхнул на руку хозяина. Крепкие кривые когти обхватили запястье.

Александр скормил соколу угощение и одной рукой завязал вокруг птичьей ноги кожаные путы.

– Спасибо! – на латыни ответил он фон Вельвену и улыбнулся. Пусть гость думает, что провёл хозяина.

Подъехавший дружинник соскочил с седла и подобрал утку. Бросил её в мешок с общей добычей – потом добытую дичь увезут на княжескую поварню.

– Ваше Высочество, – решил продолжить разговор фон Вельвен. – Ливонский орден заинтересован в мире со всеми соседями.

Александр пожал плечами.

– Ну, так и живите в мире. Зачем вы эстов под себя подминаете? Пришли на земли жмуди, воюете с ними. Но жмудь – свободное племя. А эсты – новгородские данники. Разве может новгородский князь дать их в обиду?

Разговор закончился, не начавшись. Фон Вельвен поклонился князю и отъехал в сторону. Барон не отчаивался. Вечером его звали на ужин к новгородскому посаднику Степану. Вот там-то он и выложит предложение магистра фон Балка.

А этот недоросль пусть гоняет уток! Куда ему решать государственные дела.

Посольство Ливонского ордена пробыло в Новгороде неделю и уехало, так ни о чём и не договорившись.

Новгородские бояре жаловались на то, что немецкие купцы не дают хорошую цену на товары – слишком много кладут в свои карманы. Прямо и криво намекали на то, чтобы орден повлиял на купцов и помог пересмотреть условия торговли. Тогда и о союзе можно будет поговорить.

Александр знал об этих переговорах от подкупленных слуг. Точнее, знал Гаврила Олексич и исправно докладывал князю.

Посольство уехало ни с чем. А через месяц с юго-восточных окраин Руси пришло страшное известие. Огромное войско монголов под командованием Бату-хана разбило на реке Воронеж дружины рязанских и пронских князей.

Затем монголы разорили рязанское княжество, взяли приступом и сожгли Рязань, вырезав всех горожан.

Глава 4

Июль 1970-го года. Ленинград

Рано утром я спустился с нашего этажа и вымолил у вахтёрши тёти Ани доступ к телефону.

Тётя Аня охраняла телефон не хуже, чем инкассаторы охраняют брезентовые мешки с деньгами. Пожалуй, тётя Аня была даже эффективнее инкассаторов – ей не требовалось оружие. Пронзительный крик, который вахтёрша поднимала при каждом вопросе «а можно позвонить?», отбивал у студентов всякое желание использовать служебный телефон общежития в личных целях.

– Девке звонить собрался? – грозно спросила меня тётя Аня, набирая запас воздуха в широкую грудь.

– Девке, – честно ответил я и протянул вахтёрше бумажный кулёк с настоящим твёрдым сахаром. – Это вам к чаю.

Тётя Аня растерянно захлопала глазами.

– Ишь ты, смелый, – наконец, сказала она.

Взяла сахар и пододвинула ко мне аппарат, перемотанный синей изолентой.

– Ну, пользуйся. Только другим скажи, что у тебя родственник болеет – дядя, или там двоюродный брат. Вот я и разрешила звонить. А то набегут с сахаром – потом диабет не вылечишь.

– Может, тёща? – задумчиво предложил я.

Тётя Аня с подозрением уставилась на меня.

– Ты женатый, что ли? И девкам звонишь?

Её сухая рука потянулась к телефонному аппарату.

– Шучу, – поспешно сказал я. – Жить не могу без шуток.

– Жить без денег нельзя! – глубокомысленно сказала тётя Аня – И без хорошего мужика. А без шуток – можно. У меня первый муж шутник был. Напьётся – и давай шутить. Один раз в шутку поспорил, что час на морозе без одежды просидит. Ну, и выскочил в окно в одних трусах.

Тётя Аня горько вздохнула.

– И что? – спросил я, надеясь услышать продолжение истории.

– А ничего, – махнула рукой вахтёрша. – Восьмой этаж, вот что. И сугроб не помог. Дошутился. Ты звонить-то будешь?

– Буду, – ответил я и набрал номер Светы.

В трубке послышались длинные гудки.

После третьей неудачной попытки я повесил трубку и вздохнул. Голова после вчерашнего нападения сильно болела. Тошнота к утру, вроде бы, прошла. Но стоило мне выпить кружку чая – как она вернулась и принялась терзать мой желудок рвотными позывами. Пришлось идти в туалет, и чай пропал без пользы.

Немного подумав, я набрал номер деканата.

– Слушаю, – ответил мне равнодушный женский голос.

Я улыбнулся, хотя собеседница никак не могла меня видеть. Но я верил, что искренняя весёлая улыбка делает разговор легче. Даже если эту улыбку видишь только ты, и то в зеркале.

– Это студент второго курса Гореликов. Скажите, пожалуйста, как я могу поговорить с Валентином Ивановичем Миропольским? У меня для него важная информация.

– Декана сейчас нет – голос в трубке был холоден, словно каменный валун за Полярным кругом.

– А вы можете позвонить ему домой? – упорствовал я. – Или дайте мне его домашний номер. Это очень важная и срочная информация.

– Номера преподавателей студентам не даём! – отрезала сотрудница.

– Позвоните ему сами и передайте, что дело касается Ганзейского союза. Валентин Иванович поймёт. Если не позвоните – я скажу Валентину Ивановичу, что пытался с ним связаться, но вы мне помешали.

Бывают такие люди, в общении с которыми лёгкая угроза просто необходима. Иначе они пропускают слова собеседника мимо ушей.

– Ждите у телефона и никуда не уходите, – велел мне женский голос в трубке. Его температура понизилась до уровня космического холода. У меня даже озноб по коже пробежал.

В трубке раздались короткие гудки. Я повесил трубку на рычаги и облокотился на стойку.

– Тётъ Ань, я подожду? Обещали перезвонить из деканата.

– Да жди хоть до снега! – махнула рукой вахтёрша. – Только больше никому звонить не давай. Поймаю – никакого тебе телефона, понял?

С этими словами вахтёрша ушла в служебное помещение и загремела там посудой. Через минуту послышалось бульканье воды, а ещё через две минуты зашумел закипающий чайник.

Внезапно телефон зазвонил. Звонок был таким пронзительным, что я вздрогнул и торопливо схватил трубку.

– Алло?

– Гореликов? – спросил меня голос Валентина Ивановича. – Приходи ко мне в семь часов вечера. Записывай адрес.

Сильно удивившись, я записал домашний адрес декана. Я ожидал, что Валентин Иванович предложит мне встретиться в деканате, когда будет в институте. Или вообще ничего не предложит.

До семи вечера была уйма времени, а жил декан на Садовой улице – полчаса троллейбусом от общежития.

Я снова набрал номер Светы, и снова никто не снял трубку.

Выбора не было. Придётся идти к девушке домой и надеяться, что там хоть кто-то будет.

Я поднялся в комнату. Ни Севки, ни Мишани не было. Севка ушёл к Оле, а Мишаня был в институте – добросовестно помогал Валерию Михайловичу переводить документы из сундука. Надобности в этом не было – в институте хватало квалифицированных переводчиков с немецкого. Но Валерий Михайлович держал слово, и Мишаня участвовал в работе, чтобы потом на её основе написать диплом.

Расстелив брюки на покрывале, я воткнул в розетку утюг и намочил кусок чистой марли. Эх, где вы, джинсы, которые я так любил носить в прошлой жизни? Прочные, удобные, немнущиеся.

Наверное, сейчас в Ленинграде тоже можно достать джинсы у фарцовщиков. Но стоят они космических денег, да и достаются не просто так, а по знакомству. А у меня таких знакомств пока не было.

Пока я отпаривал брюки, сообразил, что занимаюсь ерундой. Никакой гарантии, что Света окажется дома, у меня не было. Да и девушка прекрасно знала номер телефона общежития. Могла бы сама позвонить и передать хоть что-то через тётю Аню.

Я надел брюки и свежую рубашку, запер комнату и снова спустился вниз.

Тётя Аня, от души напившись чаю, скучала за вязаньем.

– Тётъ Ань, мне никто не звонил? – на всякий случай, спросил я.

– Никто, – ответила вахтёрша, не поднимая головы от спиц.

Ну, что ж. Пойду в библиотеку и снова просмотрю все материалы по Ганзейскому союзу, решил я. Теперь я примерно понимаю, что искать – письма, распоряжения. В общем, всё, что

относится к управлению орденом. Если смотреть с этой точки зрения – даже во вчерашних материалах может оказаться множество полезных деталей.

Неторопливо идя по улице, я часто оглядывался по сторонам, изображая любопытного туриста. Внимательно рассмотрел лепной карниз дома на Среднем проспекте. Остановился возле длинного стенда с наклеенной на нём свежей газетой и вдумчиво прочитал какую-то нудную статью об успехах передовых животноводческих хозяйств.

Сквозь тонкую газетную бумагу проступали жёлтые пятна клея. Я скользил глазами по строчкам и поглядывал то вправо – в сторону автобусной остановки, то влево – в направлении первой линии.

За мной никто не следил. Прохожие шли по своим делам, шагали размеренно и деловито.

По-немецки рядом никто не разговаривал. Да и по-русски тоже. Утро рабочего дня – не время для весёлой болтовни. Важнее не опоздать на службу.

К остановке подъехал автобус. Открыл двери и выпустил очередную порцию усталых мужчин в серых костюмах и женщин в чёрных юбках и ситцевых блузках. Они быстро разошлись в разные стороны, втягиваясь в арки и исчезая в дверях учреждений.

Так я дошёл до библиотеки. Вчерашних немцев возле неё не было. Интересно, почему они решили, что медальон у меня? Знать наверняка они не могли – медальон точно никто не видел. Значит, каким-то образом узнали, что мы ездили под Приморск. Узнали – зачем. Связали нашу поездку с историей медальона. И заподозрили, что я его нашёл. А заподозрив, предположили, что я ношу медальон с собой и решили проверить.

Чёрт, задачка! Откуда у них настолько подробная информация? Словно они говорили с кем-то, кто сам был на закладке шурфов. Но нас там было всего семеро – ребята, Валентин Иванович, Виктор Петрович и я.

Кого подозревать прикажете?

Существовала вероятность, что нападавших интересовал не медальон. Такой вариант тоже нельзя было сходу отбрасывать в сторону.

Ладно, разберёмся.

Я потянул на себя тяжёлую деревянную створку и с удовольствием нырнул в прохладу широких библиотечных коридоров.

К вечеру я кое-что знал о секретной службе Ганзейского союза.

В первую очередь, то, что такая служба существовала. Появилась она почти сразу же, как возник сам союз. Руководила его деятельностью на протяжении всей истории. А когда Ганзейский союз распался – служба осталась и занялась какими-то своими тёмными делами.

В шесть часов вечера я со вздохом отложил очередную книгу и поднялся из-за стола. Сдал материалы, вышел на стрелку Васильевского острова и троллейбусом доехал до Садовой улицы. Повернул направо, прошёл два квартала. Перед тем, как войти в арку, внимательно осмотрел её, но ничего странного не обнаружил. Кроме уличного кота, который сидел возле пыльной чугунной створки ворот и смотрел на меня так же подозрительно, как я на него.

Пройдя арку, я вошёл в подъезд, поднялся по широкой лестнице на второй этаж и позвонил в нужную дверь.

За дверью раздались шаги, скрипнул, поворачиваясь, запор.

– Гореликов? Проходи, Саша! – сказал мне Валентин Иванович, открывая дверь.

Июнь 1240-го года. Великий Новгород

– С немцами договариваться надо! – боярин Онаний стукнул кулаком по столу. – Иначе проклятые татары нас всех подомнут!

Из парилки ещё тянуло жаром. Пахло дубовым и берёзовым листом, хлебным квасом и можжевельной хвоей. Но в просторном предбаннике

Четверо новгородских бояр голышом сидели на дубовых лавках возле стола, уставленного тарелками с закуской и кувшинами с квасом, мёдом и пивом.

Бояре собрались в бане Онания не ради пара, а опасаясь лишних ушей. Стол был накрыт заранее, ещё до прихода гостей. А затем Онаний выслал слуг, сам впустил гостей через неприкрытую калитку на заднем дворе. И сам разливал по чашам пиво и квас.

Степан Твердиславович только поморщился, утирая ладонью пот с лица, на котором уже залегли глубокие морщины.

За последний год новгородский посадник заметно постарел. Сказались бесчисленные заботы и хлопоты страшной военной поры. Да и годы уже перевалили на шестой десяток.

Раньше, в спокойное время, никакой Онаний не посмел бы стучать кулаком перед лицом Степана Твердиславовича. Но сейчас Онаний был у себя дома, а Степан Твердиславович колебался. Словно воры, собрались они в жарко натопленной бане, чтобы решить – что делать дальше? Как не дать погибнуть Великому Новгороду?

– А ты что скажешь, Миша?

Миша Иванкич в сомнении покачал головой. Два года назад, при осаде монголами Торжка погиб отец Миши – посадник Иванко Семёнович.

Монгольское войско осаждало Торжок двенадцать дней. Привезёнными из Китая осадными машинами бросали огромные камни – такой камень четверо мужиков не поднимут!

Проломили стену, и пошли на штурм. Перед собой монголы, словно скот, гнали толпу плохо вооружённых пленников из других русских городов.

Торжок был взят приступом и сожжён. Уцелевшие жители бежали в Новгород. Добралась считанная душа – монголы преследовали бегущих по лесам и остановились только, когда грянула весенняя распутица.

Миша в те страшные дни метался по Новгороду, будоражил вече – пытался собрать ополчение в помощь осаждённому Торжку.

Не собрал. Большинство бояр выступили против – они опасались, что монголы разобьют наспех собранное ополчение, и Новгород останется без защиты.

В отчаянии Миша кинулся даже к князю Александру. Молодой князь принял Мишу вместе с Гаврилой Олексичем. Внимательно выслушал, посочувствовал. И развёл руками.

– Не я управляю Новгородом, а бояре. А идти к Торжку одной княжеской дружиной – неминуемая гибель. Попробую поговорить с посадником.

Князь не обманул Мишу – в тот же день поехал к Степану Твердиславовичу и говорил с ним часа три. Но посадник был непреклонен.

– Войско собирать – не один день, княже. А если монголы разобьют нас в поле, или на переходе? И сами погибнем, и Торжок не спасём! А за ним и Новгород падёт.

Когда до Новгорода добрались немногочисленные беженцы из Торжка и рассказали об ужасах осады – Миша каждого выпрашивал об отце. Но уцелевшие ничего не знали, бежали от монголов без памяти, только бы жизни спасти. Твердили одно:

– Монгольское войско так многочисленно, что биться с ними в поле нельзя. Вся надежда только на городские стены.

Утихомирив злость и отчаяние, Миша согласился с посадником. Помогал крепить ветхие прясла стен, собирал и вооружал свой отряд воинов.

Но монголы к Новгороду не пошли – с половины дороги внезапно повернули на юг, к Смоленску. Новгородцы вздохнули с облегчением.

Город спасла весенняя распутица – вскрывшиеся ото льда реки и набухшие талой водой непроходимые болота.

За два прошедших года боль потери притупилась. Монгольское войско разоряло юго-западную Русь, подступало к Киеву. В нетронутый Новгород со всех сторон стекались беженцы. Людей надо было селить, кормить, пристраивать к делу.

И всё яснее вставал перед новгородскими боярами тяжёлый выбор – либо поклониться монгольскому хану, либо искать союза с немецкими рыцарскими орденами и Европой.

На вопрос Степана Твердиславовича Миша ответил не сразу. Внимательно обвёл взглядом собравшихся бояр и только потом сказал:

– Немцы нам не помогут. Они сами только и смотрят, как бы отхватить от наших владений кусок себе.

Это понимали все. В прошлом году пришло известие о том, что датский король Вольдемар сговорился с Тевтонским орденом о полном разделе Прибалтики и совместных действиях против русских. То есть, против новгородцев и псковичей – только они собирали дань с прибалтийских народов.

– Немцы – наши братья во Христе! – горячо возразил Онаний. – Пусть верят по-своему. Но с христианами договориться всегда проще, чем с монгольским ханом!

– Не скажи, – веско произнёс молчавший до этого времени боярин Сбыслав Якунович.

Он неторопливо выпил чарку пива, закусил солёной лосятиной.

– Моголы православную веру не трогают. А немцы? Если пойдём к ним на поклон – всех нас перекрестят по римскому обычаю. И пропадёт земля.

– А под монголами не пропадёт? – вскипел Онаний. – Города жгут, людей угоняют в плен за тридевять земель!

– Не городами стоит земля, а верой, – возразил Сбыслав Якунович. – Обычаями.

И Миша согласно кивнул. Они со Сбыславом были похожи – обоим нет и тридцати, оба ещё в самой силе. Крутоплечие, поджарые с сильными руками. Степан Твердиславович с завистью смотрел на них.

Онаний покосился на Мишу, понял, что криком тут не взять. Улыбнулся, разлили по чаркам ещё мёду.

– Пойдёмте париться!

Снова хлестались вениками – до голых прутьев, больно царапавших покрасневшую кожу. Раскалённые камни обдавали жаром, горячий пар клубился под низким потолком парной. Напарившись, обливались холодной водой из деревянной бадьи, жадно пили ледяной квас из ледника.

Погреб в Новгороде не рыли – город стоял на болоте. Чуть копни – из-под земли проступает вода. Ледники устраивали в рубленых амбарах без окон. Зимой пилили на Волхове огромные глыбы льда, санями отвозили в амбар и пересыпали соломой.

Разлив по чаркам кислый квас, Онаний снова принялся убеждать гостей.

– С немцами можно заключить военный союз против Литвы и татар. Вот наши настоящие враги – язычники. Одни молятся огню и змеям. Другие сырое лошадиное мясо жрут. А Европа – это ремёсла и торговля. Города и корабли. Пока у нас ещё есть сила и земли – с нами будут считаться. Но если дождёмся татарского разорения – тогда с нами никто и говорить не станет.

И в этих словах Онания была своя правда. Степан Твердиславович тяжело задумался. Что делать? Какое зло предпочесть? Тяжёлый выбор, когда в нём нет добра.

На какой-то миг Степану Твердиславовичу захотелось сбросить с себя тяжесть посадничества. Передать этот груз кому-то помоложе, а самому уехать в дальние владения и жить просто, управляя только своим имуществом.

– Ладно, – сказал он, – посоветуемся с другими боярами. С немецкими купцами поговорю. Будем собирать посольство к Ливонскому ордену. Может, и договоримся.

В дверь предбанника осторожно поскреблись.

– Кто там? – раздражённо вскинулся Онаний.

Ведь всех настрого предупредил – не беспокоить! Разговор важный, важнее не бывает. Кому там непонятно боярское слово?

Дощатая дверь приоткрылась, в предбанник просунулась голова доверенного слуги.

– Прости, боярин! Прибыл гонец к посаднику от корел с реки Невы. Говорит, срочное дело. А о самом деле молчит.

Степан Твердиславович поднялся с лавки. Натянул длинную рубаху и нижние полотняные штаны. Повернулся к боярам.

– Я сейчас.

И слуге:

– Веди!

Гонец в поварне жадно хлебал летние щи со щавелем. Щёки у мужика запали, их покрывала густая щетина. Видно, не один день скакал, останавливаясь только для того, чтобы конь не упал под всадником.

Увидев боярина, гонец торопливо и неловко поднялся с лавки, поклонился.

– Что у тебя? – нетерпеливо спросил Степан Твердиславович.

Он был зол не на гонца – на домашних. Сами не могли разобраться с гонцом?

А ещё боярин злился на то, что свои гонца не накормили, и теперь он ест у боярина Онания, с которым Степан Твердиславович не был в ладу.

Гонец откашлялся.

– Шведское войско на кораблях вошло в устье Невы. Идут вверх по течению к Невозеру. Я твоему сыну, боярин, всё сказал. Так он послал меня к тебе.

Сердце Степана Твердиславовича гулко стукнуло. Вот тебе и мир! Почуяли волки, что добыча слаба, осмелели.

Посадник увидел, что гонец еле стоит на ногах, и махнул ему рукой:

– Сядь. Сколько кораблей?

– Полтора десятка, – ответил гонец, тяжело опускаясь на лавку.

От автора: следующая глава выйдет в полночь с воскресенья на понедельник. Всем хороших выходных! Огромное спасибо за награды, лайки и комментарии!

Глава 5

Июль 1970-го года. Ленинград

– Позвольте узнать, юноша – с чего это вы вдруг заинтересовались Ганзейским союзом? – спросил Валентин Иванович, когда мы удобно устроились в кожаных креслах его домашнего кабинета. – Если не ошибаюсь, раньше вы специализировались на истории древних пруссов?

Я с любопытством оглядел кабинет.

Высокое окно, выходящее на Садовую, обрамляли плотные тёмно-синие шторы.

Большой письменный стол стоял боком к окну – так, чтобы дневной свет падал слева. Возле стола – удобное рабочее кресло, явно купленное не в мебельном магазине. Скорее, приобретено у антиквара. Я не слишком хорошо разбирался в мебели, но это кресло делалось ещё до революции – слишком удобным и основательным оно выглядело. Сиденье недавно заново обтянули тонкой чёрной кожей, а вот спинка порыхлела от времени. И не от скупости хозяина – думаю, Валентин Иванович просто не хотел скрывать возраст кресла.

У стены высился массивный книжный шкаф – почти под потолок. Солидный деревянный корпус, дверцы с рифлёными стёклами, тонкая резьба по углам.

Журнальный столик перед нами тоже не вчера покинул фабрику. В его овальную крышку была вделана шахматная доска из тонких костяных пластин. А когда Валентин Иванович поставил на столик фарфоровые чашечки с крепчайшим кофе, я окончательно убедился, что хозяин квартиры любит стиль и даже роскошь.

В прошлой жизни у меня тоже бывали кабинеты. Но ни один из них не был обставлен с таким вкусом, как кабинет Валентина Ивановича. Даже последний – в доме наместника в Выборге.

– Вам нужен сахар к кофе? – спросил Валентин Иванович.

Несмотря на разницу в нашем положении, декан вёл себя со мной, как с гостем. Это было немного странно.

С другой стороны, я плохо знал Валентина Ивановича. Возможно, это просто его привычка.

– Нет, спасибо! – отказался я. – А Ганзейским союзом я заинтересовался как раз в связи с историей пруссов. Вы ведь знаете, что пруссы сопротивлялись польским и немецким завоевателям не меньше трёхсот лет. Даже Тевтонский орден был создан именно для борьбы с пруссами. И немалую роль в этой войне сыграл Ганзейский союз.

Говоря это, я внимательно следил за лицом Валентина Ивановича. Дело в том, что у меня сложилась рабочая версия пропажи документа из сундука, который мы нашли в Балтийске. Я допускал, что документ забрал именно декан.

В пользу этой версии говорили несколько фактов. Во-первых, документ принадлежал Ганзейскому союзу, а Валентин Иванович много работал над этой темой. Во-вторых, узнав о находке архива, он немедленно прилетел в Балтийск, хотя свободно мог дожидаться возвращения экспедиции в Ленинграде.

И в третьих – он сам ринулся проверять мою гипотезу о священной роще пруссов. И даже сам взялся за лопату.

Поэтому, объясняя свой интерес к Ганзейскому союзу, я внимательно следил за выражением лица декана. И заметил, что услышав моё объяснение, Валентин Иванович облегчённо вздохнул.

– Думаю, в библиотеке университета вы сможете найти достаточно материалов, – сказал Валентин Иванович, делая глоток кофе.

Я тоже отпил из своей чашки. Кофе был ароматным и очень крепким. Я даже пожалел, что не попросил молока.

Валентин Иванович как будто слышал мои мысли.

– Может быть, молока? – спросил он.

– Если можно, – кивнул я.

Валентин Иванович кивнул и молча вышел из кабинета.

У меня была всего одна минуты, от силы две. Едва дверь закрылась за деканом, я вскочил с кресла и шагнул к столу. Дёрнул правый верхний ящик, затем левый.

Оба ящика были заперты на ключ.

Я потянул за ручку средний ящик слева, и он послушно открылся. Но внутри не оказалось ничего, кроме стопки чистых бумажных листов.

Чёрт!

Я задвинул ящик и подскочил к своему креслу.

Не успел я устроиться поудобнее, как вернулся Валентин Иванович, неся в руках изящный посеребренный молочник.

Я добавил в кофе молоко и сделал ещё глоток. Да, так намного вкуснее!

– Я уже был в библиотеке, Валентин Иванович. И общее представление у меня сложилось. Но появилось немало вопросов, и я хочу попросить вас высказать по ним ваше мнение.

– Сколько дней вы провели в библиотеке? – дружелюбно улыбнулся декан.

– Два дня, – честно ответил я.

– Не хочу вас обидеть, – продолжил Валентин Иванович, – но когда я работал над темой Ганзейского союза, то провёл в библиотеке годы. Вы не хотите поговорить о чём-то более важном сейчас? Например, о подготовке экспедиции в Приморск?

– С удовольствием, – ответил я. – Всего несколько вопросов.

– Ну, хорошо, – снисходительно ответил Валентин Иванович.

Я не стал ходить вокруг да около, и начал сразу с главного.

– Я нашёл в документах косвенные упоминания о некоей секретной службе Ганзейского союза. Что вы об этом знаете?

Породистое лицо Валентина Ивановича потрясённо вытянулось. Но он сразу же отвернулся, сделав вид, что за окном кабинета происходит что-то интересное. А когда снова повернулся ко мне – на его лице не было ничего, кроме дружелюбного удивления.

– Ваши способности, Александр, поражают меня всё больше и больше. Такие глубокие знания, и всего за два дня?

Я напустил на себя простодушный вид.

– Всё получилось само собой, Валентин Иванович. Ганзейский союз был огромной организацией. В него входили сотни крупных городов, тысячи купцов. Чтобы действовать слаженно, такая организация, непременно должна была управляться из одного центра. Иначе интересы на местах неизбежно брали бы верх над общими интересами союза. Это было просто предположение, но, кажется, оно подтвердилось.

Тут я к месту вспомнил Карла Маркса:

– Нет такого преступления, на которое капитал не пошёл бы ради трёхсот процентов прибыли. Но любой купец с радостью нарушил бы ради выгоды и законы самого Ганзейского союза. А это происходило очень редко.

– Да, – кивнул Валентин Иванович. – И всегда заканчивалось печально для нарушителя. Взять хотя бы Бремен. Крупный немецкий город, который однажды рассорился с Ганзейским союзом и вышел из него. А через несколько лет бременские купцы стали сами проситься обратно в Ганзу – так их прижали.

– Вот-вот, – согласился я, допивая кофе.

– И всё-таки, – напомнил Валентин Иванович. – Что именно вас заинтересовало в Ганзейском союзе?

– Есть версия, что рыцарские ордена в Прибалтике содержались как раз на деньги ганзейских купцов, – ответил я. – В том числе, и Тевтонский орден, который покорял пруссов. Я хочу как можно точнее проверить эту гипотезу.

– Понятно, – кивнул Валентин Иванович. – Но это очень глубокая тема, её нельзя обсудить за полчаса. Я подумаю, чем могу вам помочь. Порекомендую литературу и архивные документы. А сейчас прошу меня извинить – дела.

Валентин Иванович поднялся. Я тоже выбрался из кресла.

– Спасибо, Валентин Иванович!

– Так вы согласны ехать в Новгород? – вспомнил декан.

– Да, конечно, – ответил я.

– В таком случае, профессор Ясин ждёт вас на этой неделе. Я с ним уже созвонился.

Я ещё раз поблагодарил Валентина Ивановича и вышел на улицу.

Вечерело. Никто не подкарауливал меня в подворотне – даже кот куда-то делся. Я дошёл до остановки, сел в троллейбус и беспрепятственно добрался до общежития, прогулявшись по вечерней набережной.

На вахте снова снял трубку телефона и набрал номер Светы.

Ну, давай же, ответь!

Но из трубки доносились только унылые длинные гудки.

Утром мы втроём с Мишкой и Севкой отправились в институт. Предстояло распределение на практику.

В принципе, я мог бы не ходить с ребятами. Меня уже ждали в Новгороде, у профессора Ясина. Но я поднялся самым первым, разбудил друзей и нетерпеливо ждал, когда они позавтракают.

Мне нужно было увидеть Свету. Я не понимал, что происходит, но чувствовал неладное. И мне это не нравилось.

Я нетерпеливо топтался возле ступенек института и рассеянно здоровался с ребятами. Кое-кто из них глядел, на меня приветливо, другие – равнодушно, а третьи – с плохо скрываемой завистью.

Ещё бы! Вся группа уже знала, что я умудрился совершить настоящее научное открытие. Причём, сделал его не случайно, а в результате исследований.

Собственно говоря, так оно и было. Только исследования я проводил в прошлой жизни, а не в этой.

Света появилась без двух минут девять. Девушка виновато взглянула на меня, и моё сердце сжалось.

– Здравствуй, Саша!

– Привет!

Света глубоко вздохнула и решительно взяла меня за руку. Её пальцы были сухими и горячими.

– Пожалуйста, извини! Но я не смогу поехать на практику вместе с тобой.

Июль 1240-го года. Устье Невы

Шведское войско не спешило. Передовой отряд на пятнадцати кораблях с широкими прямоугольными парусами вошёл в устье Невы. Воины тщательно обследовали топкие низкие острова в дельте, попутно разорив несколько рыбацких деревушек.

В этом не было ничего необычного. Войско надо кормить, а везти припасы с собой на кораблях – дорогое удовольствие. Лучше взять побольше воинов, а корм для людей и лошадей всегда можно раздобыть на месте.

Ставить крепость в устье реки, шведы посчитали бессмысленным. Между заросшими густым лесом островами было столько протоков и рукавов, что перекрыть их все не получится. Всё равно вражеские отряды проскользнут на лёгких лодках. А выход в море следовало перекрыть надёжно.

Посоветовавшись, военачальники шведов Магнуссон Биргер и Ульф Фасе решили подняться выше по течению и в удобном месте подождать основные силы.

Место нашлось на левом берегу Невы, при впадении в неё речки Ижоры. Здесь шведы разбили лагерь и принялись собирать дань с окрестных ижорских поселений.

Невысокий плотный Ульф Фасе сидел на скамье, сделанной из целого дубового бревна и с удовольствием обсасывал рыбий хребет. Перед ним раздражённо прохаживался широкоплечий Магнуссон Биргер.

– Зачем мы сидим на этом болотистом берегу, Ульф? – спросил Магнуссон. – Отсюда до Ладоги всего четыре дня пути! Новгородцы не успеют собрать войско в подмогу ладожанам. Ударим неожиданно, возьмём крепость приступом!

Ульф втянул полными губами нежную мякоть с костей и отбросил в сторону хребет с лупоглазой рыбьей головой.

Ох, и вкусная рыба водится в этой реке! Крупная, жирная форель, лосось с пятнистыми боками. Мясо у него упругое, розовое, и даёт такой навар, что в котле плавают жёлтые блёстки жира величиной с серебряную монету.

Ульф запустил короткие толстые пальцы в котёл, выловил ещё кусок рыбы и насмешливо взглянул на Магнуссона.

– Сядь, брат, поешь. И послушай, что я тебе скажу.

Он замолчал и снова откусил рыбу, стараясь нащупать языком острые кости.

Магнуссон опустил на бревно рядом с ним. Вытянул длинные ноги в высоких кожаных сапогах. Тоже пошарил рукой в котле и достал кусок рыбы.

Спорить с ярлом Ульфом рисковал не каждый. Но Магнуссон был его двоюродным братом и знатностью рода не уступал ярлу. А воинской доблестью даже превосходил.

Это знали оба. Ярл Ульф Фасе был прирождённым правителем – умным, хитрым и расчётливым. Он фактически правил Швецией при малолетнем короле Эрике Шепелявом. Когда Эрика сверг и отправил в изгнание регент Кнут Второй – Ульф Фасе остался ярлом, и ещё больше усилил свою власть. И даже когда король Кнут умер, и в Швецию из чужих земель вернулся повзрослевший Эрик Шепелявый – и тут ничего не изменилось. Ярл Ульф Фасе забрал себе такую власть, что обойтись без него молодой король не мог.

Многие мечтали отодвинуть Ульфа от власти, но ни у кого это не получалось.

Магнуссон Биргер был совсем другим. Резкий и прямодушный воин, он любил битвы и терпеть не мог политику. Ранняя молодость Магнуссона прошла в военных походах, и женился он только три года назад. Год назад жена Ингрид родила Магнуссону первенца.

Но Биргер, не колеблясь, оставил жену и сына и отправился походом в новгородские земли.

На самом мысу между Невой и Ижорой работали ратники в одних полотняных штанах и длинных рубахах. Одни копали ров деревянными заступами. Другие носилками и корзинами таскали вырытую землю, насыпая высокий вал. Третьи забивали сваи для крепостной стены.

Слышались глухие удары тяжёлой деревянной колотушки, которую четверо мужиков поднимали канатами, перекинутыми через деревянные блоки. При каждом ударе звенящая свая уходила всё глубже в топкую землю.

Этого и не понимал Магнуссон Биргер. Зачем строить крепость здесь, в безлюдном устье Невы, если можно подняться вверх по течению, пройти вдоль берега озера Нево и захватить древний Айдельберг, который русские называли Ладогой? И таким образом, взять за горло Новгород.

Сам Магнуссон Биргер никогда не бывал в Новгороде. Но слышал много рассказов про этот богатый город. Шведские купцы с острова Готланд торговали в Новгороде железом и серебром, вином, рыбой и хлебом. А из русских земель везли дёготь, пеньку, меха и кожи.

И все наперебой хвалили богатство Новгорода.

Магнуссон Биргер слышал, что в Новгороде чуть ли не на каждой улице стоит своя церковь. И церкви не деревянные – каменной кладки, с позолоченными куполами. Церковная утварь и оклады икон сделаны из серебра и украшены золотом.

В главном новгородском храме – Святой Софии – до сих пор установлены ворота, которые новгородцы забрали, разорив древнюю шведскую столицу Сигтуну. Это случилось пятьдесят лет назад, когда Магнуссона ещё и на свете не было. Но сердце шведа болело от обиды.

А сколько товаров хранится в амбарах новгородских купцов! Даже неведомые монголы, которые два года назад разорили всю русскую землю, прошли мимо Новгорода.

Удобный случай для нападения на Русь! Отобрать у Новгорода огромные богатые земли, заселённые ижорой и карелой, чудью и емью. И сам город взять, пока это не сделали тевтонские рыцари. Укрепить стены, посадить в городе сильный гарнизон и прибрать к рукам всю торговлю русских княжеств с Европой! А там и с неведомыми монголами можно потягаться!

Магнуссон Биргер никогда не видел моголов. Слышал только рассказы об их силе и непобедимости, о строгой дисциплине монгольского войска. И ещё слышал о диковинных осадных машинах, которые монголы везли за собой из покорённого Китая – машинах, перед которыми не могла устоять ни одна крепость.

Этим рассказам Биргер и верил, и не верил. Чутьём опытного воина он чуял грозную силу монголов и внутренне хотел столкнуться с ними, сразиться и победить.

Но сначала следовало одолеть непокорный Новгород.

Магнуссон доел рыбу и нетерпеливо спросил ярла Ульфа:

– Так почему мы не можем идти прямо на Ладогу? Чего ждём?

Ульф Фасе хитро усмехнулся.

– Я получил письмо из Риги, – ответил он. – Тевтонский орден выступит против Новгорода в августе. Они пойдут на Псков и Изборск. Понимаешь, что это означает?

Магнуссон Биргер задумался. Он неторопливо и тщательно взвешивал услышанное.

Если тевтонцы выступят на Псков – новгородские бояре будут вынуждены послать туда подмогу. Но тогда они не смогут прислать помощь Ладоге.

И наоборот. Напади сейчас шведы на Ладогу – новгородцы пришлют войско сюда. А Псков достанется немцам без особых хлопот.

Магнуссон Биргер забарабанил пальцами по стволу дерева. Деятельная натура бунтовала против промедления.

– Ну, допустим, – неохотно сказал он. – А откуда мы знаем, что Ливонский орден действительно выступит в августе? Откуда мы знаем, что они не станут ждать нашей атаки на Ладогу?

Ульф Фасе рассмеялся, показывая мелкие, но крепкие как у хорька зубы.

– Всё очень просто, брат, – смеясь, сказал он. – Жадность. Обыкновенная человеческая жадность.

Магнуссон Биргер удивлённо поднял бровь. Он слишком хорошо знал своего двоюродного брата, и потому не стал переспрашивать. Если уж Ульф заговорил – то он выложит все свои мысли.

– Магистр Ливонского ордена не так терпелив, как мы. Послание Папы воодушевило его. Он пойдёт на Псков и возьмёт город в осаду. И что тогда, по-твоему, сделают новгородцы?

– Думаю, они отправят подмогу Пскову, – рассудительно сказал Магнуссон.

– Именно! – ухмыльнулся ярл Ульф. – Вот тогда-то мы и нападём на Ладогу.

– Хороший план, – кивнул Биргер. – Но зачем строить крепость здесь, если она окажется в нашем тылу? Почему мы не можем просто подождать удобного момента и дать отдых войску?

Ульф Фасе посмотрел на высокий шатёр, из которого на улицу выбрался заспанный католический епископ. Епископ зевнул, перекрестился и направился за шатёр – облегчиться.

– Местные жители – лазутчики новгородцев, – сказал Ульф Фасе. – Пусть они донесут в Новгород, что мы строим крепость на Неве и не идём дальше. Это успокоит новгородских бояр. Да и воинам полезно заниматься делом, а не раскисать в безделье и грабежах. Пусть работают. А епископы пока займутся обращением местных язычников – это поможет укрепить наши отношения с Римом.

Магнуссон Биргер в который раз удивился, как умён и рассудителен Ульф Фасе.

Из-за поворота реки показались корабли со спущенными парусами. Лопасты вёсел, поблескивая на солнце, поднимались из воды и опускались обратно. Ветер донёс обрывок протяжной команды.

Преодолевая течение, корабли медленно приближались к мысу. Это шло подкрепление из Швеции.

Магнуссон Биргер довольно улыбнулся, хищно раздувая тонкие ноздри.

Глава 6

Июль 1970-го года. Ленинград – Новгород

Я приехал на вокзал за час до отправления поезда. Утреннее солнце ещё не успело нагреть асфальт площади. Прошла мимо поливальная машина с синей кабиной и оранжевым баком. Тугая струя холодной воды смыла пыль с проезжей части, прибила её к бордюру и оставила после себя искрящееся облако мельчайших водяных капель.

Я топтался возле входа в метро, ожидая Свету. Она обещала приехать и проводить меня в Новгород.

Вчера утром Света так ничего толком и не объяснила. Сказала только, что родители против того, чтобы она снова уезжала.

– Мама хочет, чтобы я побыла дома, – сказала Света, не глядя мне в глаза. – Они с папой собираются снять дачу, и очень хотят, чтобы я поехала с ними.

– Понятно, – кивнул я. – Придёшь проводить меня?

– Конечно, – с облегчением ответила Света. – Саша... ты не сердишься на меня?

Я честно задумался над ответом.

– Нет. Расстраиваюсь, да. Но не сержусь.

– И не обижаешься?

– И не обижаюсь.

– Честно?

– Честно.

Наученный прошлым опытом, я понимал, что обижаться на других людей – самое глупое, что только можно придумать. Куда важнее сосредоточиться на собственной жизни, как бы эгоистично это ни звучало.

– Придёшь меня проводить? – спросил я Свету.

– Конечно! – радостно ответила девушка. – А ты пришлешь мне адрес? Будем переписываться. Ты когда вернёшься из Новгорода?

Я пожал плечами.

– Думаю, недели через три, не раньше. Валентин Иванович обещал, что в августе мы начнём копать в Приморске – вот к этому времени и вернусь. Какой смысл летом пролёживать бока в общежитии? Для этого учебный год есть.

– Я постараюсь договориться с родителями, чтобы меня отпустили в Приморск, – сказала Света. – Надеюсь, к тому времени они устанут от моего общества и успокоятся.

– Возможно, – улыбнулся я.

Потянулся и хотел поцеловать Свету в щёку. Но девушка чуть повернула голову и подставила мне сухие мягкие губы.

– Ты хороший, – еле слышно прошептала Света, закрыв глаза.

Я обнял её за плечи и поцеловал ещё раз.

До отправления поезда оставалось пятнадцать минут, а Светы всё не было. Я поправил тяжёлый рюкзак с пожитками и ринулся искать телефон. Порылся в карманах – двухкопеечной монеты не было. Тогда я нашарил в кармане горсть мелочи и пристроился в хвост длинной очереди, которая тянулась к кассе метро.

Очередь двигалась равномерно, но слишком медленно. Я то и дело поглядывал на часы. Когда до отправления оставалось семь минут, передо мной ещё стояли три человека.

В этот момент я сообразил, какой ерундой занимаюсь. Если Света не приехала – значит, у неё были на то причины. И никакой звонок ничего не изменит.

Я вышел из очереди и быстро пошёл через огромный зал ожидания к перронам, с которых отправлялись поезда. Протянул проводнице билет и вошёл в пропахший табачным дымом тамбур.

В полупустом сидячем вагоне мне повезло найти место без соседей. Я сел к окну и поставил рюкзак рядом с собой. Придерживая его рукой, я рассеянно смотрел на промышленный пейзаж, который проплывал за пыльным окном.

«Месяц» – стукнуло вдруг в моей голове.

И в самом деле, сегодня ровно месяц с того дня, как я попал в тысяча девятьсот семидесятый год. А сколько интересного и важного уже случилось!

Пусть и дальше всё идёт именно так. Я точно знаю, что мне суждено прожить долгую и очень интересную жизнь. Самое глупое, что я могу сделать – разменять её на будничную суету и нелепые обиды.

Эта простая мысль успокоила и подбодрила меня. Досада прошла, оставив лёгкий привкус горечи, на который вполне можно было не обращать внимания. Я закрыл глаза, задумался о том, чем займусь в Новгороде и незаметно задремал.

– Просыпаемся, молодой человек! Просыпаемся, конечная!

Чья-то рука бесцеремонно трясла меня за плечо. Я открыл глаза и увидел проводницу.

– Просыпаемся, конечная! – повторила женщина.

Лицо её было усталым, под глазами залегли синие круги. Неожиданно для себя, я широко улыбнулся проводнице.

– Спасибо!

Она удивлённо посмотрела на меня.

Молодой человек! Да, я молодой! И это великолепно!

Не переставая улыбаться, я вскочил с сиденья, подхватил рюкзак и закинул его за спину. Выскочил на перрон и зажмурился от яркого летнего солнца.

Новгород оказался очень зелёным городом. Парки, скверы, бульвары, свежая зелень тополей и лип, прохладный ветер с широкой реки. Невысокие четырёхэтажные дома не теснились друг к другу, как в центре Ленинграда, а стояли свободно – им хватало места на берегу Волхова.

Я пересёк широкую вокзальную площадь, на которой мирно дремали автобусы и троллейбусы, и окунулся в тень бульвара, густо засаженного высокими деревьями.

Бульвар привёл меня к широкому скверу, за которым виднелось двухэтажное здание кинотеатра. Дальше была гостиница. Я как-то останавливался в ней, когда приезжал в Новгород на археологическую конференцию.

По улице с древним названием Людогоща я обошёл сквер и увидел впереди высокую стену из красного кирпича с полукруглой аркой входа. Это был Новгородский кремль.

Профессора Ясина я собирался искать на территории кремля – именно там, в длинном двухэтажном здании бывших Присутственных мест находилась дирекция Новгородского музея-заповедника.

В кремле шли масштабные реставрационные работы. Тут и там попадались куски территории, отгороженной деревянными и бетонными заборами. Из-за заборов слышался рокот автомобильных двигателей и оглушительная дробь отбойных молотков. То и дело пробегали озабоченные люди в рабочих спецовках, испачканных краской и цементным раствором. Над этой деловой суетой в синеву летнего неба равнодушно возносилось великолепное пятиглавие Софийского собора.

В дирекции музея меня обрадовали. Раскопки сейчас шли на другом берегу реки, на Ярославовом дворище, возле здания Николо-Дворищенского собора. И профессор Ясин находился именно там.

Разминая натёртые рюкзаком плечи, я спросил, где можно разместиться. Остроносая девушка-администратор равнодушно пожала плечами и поправила очки в пластмассовой оправе.

– Экспедиция живёт в общежитии педагогического института. Это бывший Антониев монастырь.

Девушка махнула рукой куда-то в сторону окна, за которым сквозь зелёную листву поблёскивала на солнце река.

– Но без разрешения вас туда не поселят.

– Далеко это? – спросил я, надеясь хотя бы оставить в общежитии рюкзак.

– Километра три, или четыре.

Девушка снова пожала худыми острыми плечами.

– Можете вернуться к вокзалу и доехать на автобусе.

– Спасибо. А раскоп где?

Девушка нехотя объяснила мне, как пройти к раскопу. Новгород я помнил только в общих чертах – и то таким, каким он станет в девяностых годах. Но название Николо-Дворищенского собора чем-то отозвалось в памяти.

– Спасибо, – ещё раз поблагодарил я девушку. – Наверное, пойду на раскоп, а там будет видно.

Девушка ничего не ответила, повернулась и ушла по своим делам. А я снова подхватил осточертевший рюкзак и закинул его за спину. Спина отозвалась болью в натруженных мышцах.

Через Пречистенскую арку я вышел прямо к реке и повернул налево от городского пляжа – туда, где виднелась бетонная плита моста, ведущего на другой берег.

Когда-то главный мост Новгорода находился прямо здесь, перед Пречистенской аркой. Мост называли Великим – он веками связывал разнobreжные концы большого города. На этом мосту не раз происходили столкновения новгородцев и даже кровавые побоища, во время которых побеждённых сбрасывали в воду реки, а то и на заметённый снегом речной лёд.

Мост разбомбили во время войны, да так и не собрались восстановить. Построили новый, выше по течению – там, где теперь проходили основные транспортные магистрали.

Со вздохом я вспомнил, что через пятнадцать лет мост всё же восстановят. Его сделают пешеходным, выгнутым крутой красивой аркой над широкой лентой Волхова. И тогда туристы и горожане снова смогут прямо из кремля попасть на торговую сторону, где находился древний княжеский двор – Ярославово дворище.

К тому времени, как я добрался до места раскопок, ноги у меня гудели. По лицу и спине ручьями тёк пот, рубаха под рюкзаком прилипла к телу. Я мечтал только о том, чтобы сбросить с себя одежду и залезть под душ.

Звонкие весёлые голоса слышались у северной стены собора – там, между собором и небольшой Пятницкой церковью располагался широкий пустырь, заросший травой.

А с западной стороны, на широких растрескавшихся ступеньках у входа в собор сидел тощий старик с длинной седой бородой. Старик был одет в грязную монашескую рясу. Тёмные внимательные глаза на худом морщинистом лице смотрели прямо на меня.

– Вам плохо? – спросил я старика. – Может быть, нужна помощь?

Высокая тень собора падала на монаха. Одна половина его лица была в тени, другая – освещена ярким дневным солнцем. Кожа под солнцем казалась коричневой, словно обожжённая глина.

Монах молчал, не отводя от меня спокойного взгляда.

Я пожал плечами, сошёл с дорожки на траву и направился прямо туда, откуда доносились голоса.

Июль 1240-го года. Великий Новгород

В низкую дверь спальни постучали.

Жена испуганно взглянула на Александра, прижалась к нему горячим плечом.

Александр успокаивающе погладил супругу по большому животу, выступавшему через сорочку.

– Кто там? – спросил строго, но без раздражения.

Александр знал, что у жены его зря беспокоить не станут – Саше вот-вот рожать. Если стучат, значит, дело серьёзное.

– Беда, княже! – раздался из-за двери голос Гаврилы Олексича. – На вече смута, народ в кулаки кинулся!

Александр ласково набросил на жену шёлковое покрывало. Сам поднялся с постели, одёрнул рубаху.

– Войди!

Гаврила Олексич протиснулся в дверь. Не глядя на постель, поклонился:

– Прости, княгиня! Срочное дело.

И повернулся к Александру:

– Бояре поспорили. Одни хотят собирать войско, другие кричат, что надо отправлять послов к Тевтонскому ордену – просить мира. Ничего решить не могут. Ну, и народ всколыхнулся, как бы до бунта не дошло. Надо ехать!

Кулаки Александра сжались. Поневоле всплыла в памяти та давняя зима, голодный и беспощадный новгородский бунт. Кричащая толпа в кремле, раскачивание саней и комья снега из-под конских копыт.

Позади сдавленно охнула жена.

– Пусть седлают коней, – сказал Александр Гавриле Олексичу. – Ты со мной поедешь. И ещё пятерых дружинников возьми.

– Не мало, княже?

Александр даже не задумался.

– Хватит. Силой всё равно не возьмём. Говорить надо.

На этот раз вече собралось в самом Детинце у толстых каменных стен Великой Софии. Словно люди чувствовали, что одна лишь вера сможет защитить их от врагов, которые со всех сторон подступили к Новгороду.

Крик стоял такой, что бояре не слышали посадника и друг друга. Толпа бушевала вокруг храма, а по трещавшему мосту через Волхов всё прибывали и прибывали новые людские волны со Славенского и Плотницкого концов.

Посадник Степан Твердиславович и владыка Спиридон надорвали глотки, пытаясь утихомирить народ.

Князь с дружинниками шагом пробрались через мост, отесняя конями ослепших от ярости горожан. Дружинники держались за рукояти мечей, не доставая их из ножен.

Въехав в кремль, князь соскочил с коня. Отдал поводья Ратше – ближайшему дружиннику и пошёл прямо через толпу к собору Святой Софии.

Остановился на вечевой площади. Ни на кого не глядя, снял с головы шапку, крытую красным сукном и обшитую собольим мехом. Перекрестился на золочёные главы храма и поклонился в пояс.

Глядя на князя, народ приутих. Некоторые начали креститься.

По-прежнему ни на кого не смотря, князь неторопливо поднялся на деревянное возвышение к посаднику и владыке. Шапку он так и держал в руке и встал перед горожанами с непокрытой головой. Стоял молча, пока вече не утихло.

– О чём спорите, новгородцы? – веско спросил Александр. – Враг пришёл на вашу землю. Разоряет ваши деревни, перехватывает ваши торговые пути.

Боярин Онаний поднялся со скамью, злобно взглянул на молодого князя, который своим спокойствием почти утихомирил вече.

– Шведы далеко, – сварливо сказал он. – А ижорцы – наши данники, а не новгородцы.

– Сегодня шведы побьют ижорцев, – согласился Александр. – И поставят на Неве крепость. А завтра – захватят Ладогу и подступят к самому Новгороду.

– Шведы к Ладоге не пойдут, – возразил Онаний. – Полтора десятка кораблей – невеликая сила. А что крепость поставят – так заключим договор с орденом и отправим войско эту крепость сжечь.

– Мой боярин Гаврила Олексич, – спокойно ответил Александр, – отправлял лазутчиков к шведскому лагерю. Кораблей у них не полтора десятка, а все пять. И воинов как бы не пять тысяч.

– Брехня! – вскипел Онаний.

Александр поднял бровь.

– Брехня? А слышал ты, боярин Онаний, про письмо Папы Римского к шведскому королю и магистру Тевтонского ордена?

Александр поднял глаза на притихшую толпу, которая жадно ловила его слова.

– Вы слышали про это письмо, новгородцы?

Степан Твердиславович побледнел. На тайных сходах бояре между собой решили молчать о письме Папы Римского, в котором он призывал шведов и немцев объединиться для войны с Русью.

Молчали бояре потому, что надеялись через купцов договориться с Тевтонским орденом и заключить мир. Хотя бы и уступив небольшие земли на западе.

Пора вмешаться, решил Степан Твердиславович и выступил вперёд.

– Про письмо Папы Римского нам известно. Для того и созвали вече, чтобы рассказать о письме всем новгородцам и вместе решить – как быть. Что думаешь ты, князь?

Александр прищурился.

– Я думаю, надо собирать войско и ударить на шведов. Крепость у них только начата, за стенами отсидеться не смогут. Нападём неожиданно, прижмём к реке и одолеем.

Толпа одобрительно зашумела.

– Верно князь говорит! Верно! Собрать войско!

– А если в это время немцы нападут на Псков? – спросил посадник. – Где взять войско для подмоги псковичам?

– У Пскова крепкие стены, – ответил Александр. – Не один приступ можно отбить. А тем временем и мы подоспеем.

Посадник покачал головой.

– Если Псков не устоит, то и Новгороду придётся трудно. Рисковать нельзя. Нам лучше сохранить Псков, чем Ладогу. Ладожская крепость старая, отбить её у шведов обратно будет легко. А Псков – твердыня.

Посадник говорил размеренно, нарочно успокаивая толпу. И толпа слушала и слушалась.

– Если собрать войско и ударить неожиданно, – сказал Александр, – можно разбить шведов на Ижоре. Тогда и Ладога уцелеет, и немцы остерегутся идти к Пскову без шведской подмоги.

– А если войско не успеет вернуться? – возразил посадник. – Или шведы окажутся сильнее? Сам же говоришь, что их чуть ли не пять тысяч.

Он смотрел теперь прямо на князя, а краем глаза следил за боярином Онанием. Онаний опустился обратно на скамью, но сидел, вытянув шею, и в любой миг мог снова вскочить на ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.